

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/326317775>

Айнель Мешадиева Инфинитивы и имена действия в тюркских языках 2018

Book · June 2018

CITATIONS

0

READS

13

1 author:

[Aynel Enver Meshadiyeva](#)

Azerbaijan National Academy of Sciences

20 PUBLICATIONS 1 CITATION

SEE PROFILE

Some of the authors of this publication are also working on these related projects:

Turkology [View project](#)

**Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт Языкознания имени Насими**

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА

**ИНФИНИТИВЫ
И ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

**INFINITIVES AND ACTION NOUNS IN THE
TURKIC LANGUAGES**

**“Red N Line” ООО
Баку-2018**

*Монография печатается по решению Ученого Совета
(протокол № 3 от 9.04.2018) Института Языкознания
им. Насими Национальной Академии
Наук Азербайджана*

Научный редактор: **Руфат Рустамов**
*доктор филологических наук,
профессор*

Рецензенты: **Саялы Садыгова**
*доктор филологических наук,
профессор*
Магеррам Мамедли
*доктор филологических наук,
профессор*

Айнель Энвер кызы Мешадиева. *Инфинитивы и имена действия в тюркских языках. Типография «Red N Line» ООО, Баку -2018, 136 с.*

В монографии впервые проводится системный, сравнительно-исторический анализ фонетических, функционально-семантических, морфолого-синтаксических и специфических особенностей инфинитивов и имён действия в тюркских языках и их диалектах, рассматривается их лингвистическая природа, раскрывается этимология инфинитивных аффиксов, а также выявляются их общие и отличительные признаки. К исследованию также привлечены материалы древнетюркских письменных памятников. Монография предназначена для научных сотрудников, филологов-тюркологов и востоковедов.

А $\frac{51000000781 (440)}{127 - 2018}$

E-mail: aynel.meshadiyeva@mail.ru
©Айнель Мешадиева, 2018

Типография «Red N Line» ООО 2018

РЕЦЕНЗИЯ

Глубокое изучение системы глагола любого языка невозможно без стремления исследовать неличные формы глагола в сравнительном аспекте. Сравнительное исследование родственных языков, являющееся одним из основных направлений в тюркологической лингвистике, прокладывает путь к более углубленному изучению и освещению отдельных сторон морфологии, синтаксиса, лексики, фонетики. Это дает возможность изучить закономерности взаимосвязи и взаимообогащения тюркских языков, что, в сущности, имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Как отмечает В.Н. Ярцева: «...сравнение можно считать наиболее универсальным способом исследования материала языка» и «даже в исследованиях, ставящих своей целью описание какого-либо языка как замкнутой системы, возникает необходимость сравнения части этой системы с планами, лежащими вне ее» (Ярцева 1973, с. 190).

Монография А.Э. Мешадиевой выполнена в данном русле и посвящена сравнительно-историческому анализу инфинитивов и имен действия в тюркских языках и их диалектах.

Актуальность данной монографии, которая определяется рассмотрением истории изучения инфинитивных форм глагола в тюркском языкознании, проведением их полной грамматической характеристики и подробного этимологического анализа инфинитивных аффиксов, не вызывает сомнения.

Исследование А.Э.Мешадиевой проведено теоретически и методологически грамотно: изучался каждый инфинитивный аффикс и аффиксы имен действия в тюркских языках, выявлены фонетические варианты данных аффиксов в тюркских языках в сравнении с их диалектами. Логическая последовательность и четкость изложения основных определений весьма успешно сочетается с иллюстративным материалом, фактами и примерами.

Бесспорным достоинством монографии является последовательность построения, как всей монографии, так и двух глав.

Монография А.Э.Мешадиевой *«Инфинитивы и имена действия в тюркских языках»* состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Уже с первых страниц текста можно убедиться, что автор знает исследуемую проблематику работы по данной теме, о чем также свидетельствует библиографический список монографии.

Во введении анализируются основные направления изучения инфинитивных форм глагола и имен действия в тюркских языках и их диалектах, содержится краткое изложение состояния проблемы, описываются основные понятия и термины тюркских инфинитивных форм глагола. В связи с этим делается экскурс в историю изучения неличных форм глагола в тюркологии, и приводятся взгляды отечественных и зарубежных ученых В.Г. Алиева, Н.Э. Гаджихмедова, Л.А. Груниной, В.Г. Гузева, Н.Н. Джанашиа, М.Э. Дубровиной, В.Г. Кондратьева, А. Кулиева, А.А. Раджабли, Э.Д. Н.Н. Телицина, Н.Н. Тыдыковой, Д.М. Хангишиева, В.Н. Хисамова, В.И.

Асланова, Й.Г. Эргин, Т.И. Гаджиева, И.Б. Кязимова, Г.Ш. Кязимова, Э.А. Мамедовой, Х. Мирзазаде, А. Раджабова, Р.А. Рустамова, А.Ч. Шюкюрова, А.М. Маггеррамова, А. Танрыверди, А. Акар, Б. Аталая, Н. Байрактар, А. Джафероглу, Л. Карахана, З. Коркмаза, М. Мансуроглу, М. Эрдала, Д.Г. Тумашевой и др.

Во введении также исследуется лингвистическая природа и специфические особенности инфинитивных форм глагола, определяются их функционально-семантический потенциал и межкатегориальные связи и отношения в системах словоизменения.

Абсолютно справедливо А.Э. Мешадиева отмечает, что проблема форм инфинитива с его сложными лексико-семантическими, морфолого-синтаксическими особенностями и стилистическими функциями занимает важное место в грамматиках тюркских языков.

Достоверность выводов проведенного сравнительного исследования подтверждается богатой фактологической базой.

Необходимо особо отметить, что А.Э.Мешадиевой правильно выбрана методика работы: в исследовании применялись функционально-семантический, системно-структурный подходы, предусматривающие методы описательного, сравнительного и обобщающего анализа, а также статистический метод для выявления количественных данных.

А.Э. Мешадиева анализирует воззрения, а также рассматривает ряд основных положений относительно категории инфинитива в тюркских языках.

Рецензируемую монографию отличает высокая степень научной новизны. Работа А.Э. Мешадиевой является первым монографическим, комплексным исследо-

ванием инфинитивных форм глагола в тюркских языках и их диалектах в функционально-семантическом плане. В монографии автор впервые подробно и систематически рассматривает грамматическую сущность инфинитивных форм глагола, их основные структурно-семантические, фонетические и синтаксические особенности в тюркских языках. В процессе сравнительного анализа автор определил количественное превосходство фонетических вариантов аффиксов инфинитивных форм глагола в диалектах и говорах тюркских языков.

На наш взгляд значительный интерес представляет первая глава монографии именуемая *«Семантические и морфолого-синтаксические функции инфинитивов в тюркских языках и их диалектах»*. В данной главе автор проводит тщательный анализ лексико-семантической сущности, морфологических и синтаксических свойств инфинитивов в тюркских языках и их диалектах. Исследование инфинитивных аффиксов и аффиксов имен действия дало возможность выявить как их сходные, так и отличительные морфолого-семантические особенности.

Автором монографии прослеживается ход исторического развития каждой инфинитивной формы и имен действия в тюркских языках. Анализируя процесс формирования инфинитивных форм, автор монографии прослеживает историю изучения инфинитива, выявляет наиболее распространенные типы тюркских инфинитивов.

В первой главе монографии также освещаются гипотезы относительно происхождения аффиксов инфинитивов и имен действия в тюркских языках.

Заключительная глава монографии именуемая «Семантические и морфолого-синтаксические функции имен действия в тюркских языках и их диалектах» посвящена сравнительно-историческому анализу семантических и морфолого-синтаксических функций первичных и вторичных имен действия в тюркских языках и их диалектах.

В данной главе автор выявил ряд сходных и отличительных функционально-семантических и фонетических особенностей имен действия в тюркских языках.

Скрупулезный анализ фактического материала дает возможность проследить их генетическое родство с другими формами в тюркских языках. Во второй главе А.Э.Мешадиева раскрывает этимологию аффиксов первичных и вторичных имен действия в тюркских языках.

Автор совершенно верно отмечает, что сравнительный анализ инфинитивных форм глагола определяется важностью для современной тюркологии системных описаний грамматических явлений, в том числе и неличных форм глагола.

Исследование А.Э. Мешадиевой позволяет определить место и роль неличных форм глагола в системе языка, а также способствует уточнению представлений о структуре частей речи в этих языках и её поэтапном развитии.

Практическая значимость монографии неоспорима. Она определяется возможностью использования материалов и выводов исследования в общих и специальных вузовских курсах по морфологии и синтаксису тюркских языков.

Материалы монографии А.Э. Мешадиевой также могут применяться при разработке специальных курсов и семинаров по актуальным проблемам современной тюркологии, а также по теоретической и практической грамматике, а также могут быть использованы при составлении сравнительной и сопоставительной грамматик тюркских языков. Книга важна при составлении учебных пособий по сравнительной тюркской диалектологии.

Как положительный факт можно отметить то, что автором проведен детальный сравнительно-исторический анализ аффиксов инфинитива и имен действия, который позволил осветить вклад ученых разных поколений в изучение неличных форм глагола в тюркских языках и их диалектах.

Демонстрируя превосходное знание работ предшественников тюркологов, А.Э. Мешадиева дает возможность отечественным исследователям подробно ознакомиться с фундаментальными трудами зарубежных ученых. Логическое изложение содержания работы, грамотно научный и доступный язык позволяют рекомендовать монографию А.Э.Мешадиевой начинающим тюркологам.

Монография А.Э.Мешадиевой написанная на высоком научном уровне, демонстрирует высокий теоретический уровень и имеет несомненное практическое применение.

Фундаментальная и серьезная работа А.Э.Мешадиевой является большим вкладом в изучение неличных форм глагола в тюркских языках.

Данная монография предоставляет тюркологам прекрасную возможность исследовать и применять но-

вый подход к сравнительному изучению инфинитивов и имен действия в тюркских языках и диалектах.

Монография А.Э.Мешадиевой отличается аргументированностью и убедительностью выводов, логичностью и последовательностью построения, является глубоким и оригинальным по замыслу и содержанию. Поэтому можно только пожелать автору дальнейших творческих успехов на благо тюркского языкознания.

Магеррам Мамедли

*доктор филологических наук,
профессор*

ВВЕДЕНИЕ

Одной из спорных проблем языкознания остается вопрос о принадлежности неличных форм глагола к частям речи, т.е. установление, входят ли они в систему глагола или именных частей речи, или образуют особые части речи. Неличные формы глагола выходят за рамки обычных глагольных категорий, обладая рядом особенностей: они выражают действия без указания лица и числа, а по выполняемым синтаксическим функциям близки именованным частям речи и не могут служить в предложении сказуемым. Своеобразие неличных форм глагола проявляется в том, что исторически они восходят к именам, но в процессе развития тяготеют к глаголу, приобретая глагольные категории, сохраняя при этом свойственные себе особенности.

Неличные формы глагола издревле обладали в основном различными семантическими оттенками действия. Некоторые неличные формы глагола в различных тюркских языках помимо атрибутивных функций передавали также значения инфинитива, имени действия и отглагольного имени. Так, например, в татарском языке формы на *-асы, -ачак, -малы/-маклы, -улы, -ышлы/-ышлык* и т.д. помимо атрибутивных, передавали также значения инфинитива, отглагольного имени и имени действия.

Несмотря на то, что большинство древних неличных форм глагола в тюркских языках со временем осложнились другими морфологическими и лексическими, основное значение этих форм в большинстве

случаев сохранились до сих пор в современных тюркских языках.

Древние неличные формы глагола обладали целым комплексом модальных оттенков, которые наблюдались в течение развития и становления данной категории в тюркских языках.

На основе некоторых неличных форм глагола образовались временные формы изъявительного наклонения (-ган, -асы, -галак, -ып, -а и т.д.). Данный факт в очередной раз является доказательством того, что развитие неличных форм глагола в тюркских языках прочно связано с развитием системы индикатива в тюркских языках.

Одни исследователи решительно отделяли инфинитив от глагола, считая, что инфинитив не принадлежит к числу ни предикативных, ни атрибутивных форм глагола, а является именем с глагольной основой и поэтому инфинитив был объявлен особой частью речи и рассматривался как слово, не причастное к спряжению. Другие исследователи отмечали, что инфинитив является «отглагольным номинативом», т.е. исходной формой глагола.

Проблема форм инфинитива с его сложными лексико-семантическими, морфолого-синтаксическими особенностями и стилистическими функциями занимает важное место в грамматиках тюркских языков.

В большинстве тюркских языков неличные формы глагола не стали предметом специального исследования. В тюркских языках эти формы не подверглись системному исследованию. Иными словами, этот вопрос до сих пор остается нерешенным.

Вследствие этого, изучение категории инфинитива как одной из неличных форм глагола, а также отдельных инфинитивных форм в тюркских языках представляет собой одну из актуальных проблем тюркского языкознания.

Категория неличных форм глагола в той или иной мере получила освещение в отдельных монографиях, учебниках и учебных пособиях, кандидатских и докторских исследованиях, статьях Н.Э. Гаджихмедова [16], В.Г. Гузева [23, 90], Л.М. Ульмезовой [109, 327], Г.Ш. Борукуловой [13], М.З. Жамьяновой [30, 31], Р.Г. Закиевой [32], Г.Д. Ибрагимова [33], Б.К. Кутлымуратова [46, 47], Э.Мелгазиевой [53], А.М. Мизиева [60], Д.М. Мурзаевой [64, 65, 66, 67, 68, 69], Э.Д. Саидовой [82, 83, 84, 85, 86, 87, 88], Э.Сапаровой [89], Н.Р. Харисовой [114], Л.А. Шаминой [117], А.Э. Мешадиевой [56, 57, 58, 59] Дж. Тургунбайера [194], Д.Е. Акбабы [151], К.Эраслана [161], А.Р. Карабекоглу [179], Ф.Гёкче [171], Й. Йылмаза [198] и др.

Небезынтересно отметить, что термин *масдар*, заимствованный из арабского языка, зарегистрирован также в грузинском языке. Данный термин был зафиксирован еще в трудах М. Кашгари и некоторых восточных языковедов.

В тюркологии некоторыми учеными-языковедами нередко отождествлялись понятия инфинитив и отглагольное имя (М. Гусейнзаде, А. Ахундов).

Также по-мнению Л. Ханбутаевой понятия отглагольное имя и инфинитив идентичны.

В этой связи примечательно следующее высказывание Л. Ханбутаевой: «Для того, чтобы доказать этот

факт, достаточно исследовать этимологию инфинитива в диахроническом плане» [135, с. 24].

Справедливо по этому поводу высказывание Р. Мадатовой: «По языку письменных памятников становится ясным, что двухсложные слова, в составе которых аффикс *-maq/-mәk* произошли от инфинитива и в процессе развития перешли в разряд имен существительных, например, *yazmaq, çaxmaq, qarmaq* и т.д.» [140, с.17].

Некоторые ученые (О. Чоммадов) отождествляют понятия отглагольные существительные и имена действия [116, с. 29].

В русском языкознании наиболее употребительным термином данной неличной формы глагола применительно к тюркским языкам был термин *инфинитив*.

Наиболее показательно на этот счет высказывание К.Г. Ишбаева: «Термин «инфинитив» /лат. *Infinitivus* - неопределенный/ тоже полностью не соответствует природе данной категории в тюркских языках. Но он удачен тем, что, будучи интернациональным термином, не требует калькирования и является общепонятным» [37, с. 2].

Мы также полагаем, что самым целесообразным и удачным термином применительно к категории инфинитива в тюркских языках является термин «инфинитив».

Примечательно отметить, что в тюркологии в 60-80 гг. наиболее употребительным термином был термин *имя действия* (М. Исхаков 1960, Б.К. Кутлымуратов 1968, Б. Тойчубекова 1968, К. Мелиев 1976, К. Неталиева и т.д.). Эти исследователи считают термин

«имена действия» самым удачным термином применительно к этой категории в тюркологической литературе. Данную точку зрения они обосновывают тем, что термины «инфинитив» и «отглагольные имена» по значению, которое они передают, не раскрывают ни семантической, ни морфологической сущности данных форм.

В этой связи наиболее показательно высказывание Б.К. Кутлымуратова: «И действительно в тюркских языках, в том числе и в каракалпакском языке, эту категорию нужно обозначать под термином «имена действия» и необходимо рассматривать имена действия наряду с причастиями и деепричастиями в системе функциональных форм глаголов» [48, с.5].

Б.К. Кутлымуратов также отмечает, что: «... Из всех перечисленных выше более подходящим является термин «имена действия» (хәрекет аты), так как термины «отглагольные имена» и «инфинитив» не полностью отвечают содержанию категории имен действия в тюркских языках по той причине, что в изолированных отглагольных именах (существительные и прилагательные) глагольные признаки не сохраняются, а в именах действия глагольные признаки сохраняются» [48, с.4].

Данной точки зрения придерживается также и Н. Тыдыкова: «Действительно, термины «неопределенное наклонение», «масдар», «инфинитив», «отглагольное имя», «глагольное имя» не совсем четко отражают семантическую или морфологическую сущность категории «имя действия» [108, с. 668].

До сих пор тюркологи не пришли к единому мнению относительно природы инфинитива как самостоятельной грамматической категории.

В этой связи Н.К. Дмитриев писал: «...Само понятие инфинитива как грамматической категории достаточно шатко и неопределенно. Инфинитив это – нечто среднее между спрягаемыми глагольными формами и отглагольными именами. Специфика инфинитива в различных языках весьма различна» [28, с.178].

Из приведенного выше высказывания следует, что в отличие от некоторых ученых Н.К. Дмитриев не рассматривает инфинитив в качестве самостоятельной грамматической категории, а также не отождествляет его с отглагольными именами (М. Гусейнзаде, А.Ахундов, Л. Ханбутаева).

Относительно инфинитивных форм (имен действия по терминологии Н.А. Баскакова) примечательно следующее высказывание Н.А. Баскакова: «Обзор функциональных субстантивных форм глагола и их классификация показывают, что, во-первых, все они в полной мере сохраняют семантику процесса действия или состояния, а во-вторых, - что характерно для вторичных имен действия, - являются вместе с тем носителями грамматических категорий наклонения и времени, хотя эти категории и возникли в именах действия исторически через функциональные атрибутивно-определительные формы (срав., напр., формы на *-гъы/-ги* и на *-макъ/-мек*, которые семантику наклонения приобрели через посредство соответствующих частных форм на *-гъысы/-гиси*, *-макшы/-мекши* или формы на *-арлыкъ/-ерлик*, *-гъанлыкъ/-генлик* и пр., временное значение которых является общим с исход-

ными формами причастия на *-ар/-ер*, *-гъан/-ген* и пр.) Сами по себе имена действия нейтральны в отношении грамматических категорий наклонения и времени» [5, с. 423].

Работа М.А. Казымбека «Общая грамматика турецко-татарского языка», будучи одной из первых работ по изучению инфинитива в тюркских языках положила начало изучения данной неличной формы глагола во всей его многоаспектности. В своем труде М.А. Казымбек обозначал инфинитив термином *имя действия*.

Большое значение для изучения инфинитива в тюркских языках имеют исследования Н.К. Дмитриева, Н.А. Баскакова, В.М. Насилова, А.Н. Кононова, И.А. Батманова, Л.А. Покровской, Б.А. Серебренникова, Н.З. Гаджиевой, А.Г. Гуламова, В.Д. Аракина, А. Дамирчизаде, А. Ахундова, В. Алиева, Г. Мирзазаде, М. Гусейнзаде, С. Джафарова, М. Ширалиева, Ф. Зейналова, М. Аскерова, Л. Ханбутаевой, Р. Мадатовой и др.

Инфинитивы и имена действия в тюркских языках были освещены во многих кандидатских и докторских диссертациях, монографиях, а также в ряде научных статей В.Г. Алиева [1], Д.М. Алисултановой [2], А. Боржакова [11], Н.Э. Гаджихамедова [15, 16], Д.М. Мурзаевой [219, 220, 221, 222, 223, 224], Л.А. Груниной [22], В.Г. Гузева [25, 26], Н.Н. Джанашиа [27], М.Э. Дубровиной [29], Х.Н. Итышевой [36], Б. Койчубаевой [38], В.Г. Кондратьева [40], А. Кулиева [45], М.Ш. Маматова [51], А.М. Мизиева [61, 62], Г.А. Набиуллинной [71], К.С. Фатхулловой [71], М. Нишанова [73], Х. Неталиевой [72], Й. Озлем [75], А.А. Раджабли [79], Э.Д. Саидовой [83, 84, 85, 86, 87, 88], В.Н. Тадыкина [94], Н.Н. Телицина [96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103,

104], Н.Н. Тыдыковой [107], Д.М. Хангишиева [113], В.Н. Хисамова [115], Л.М. Ульмезовой [110], А.Ю. Гиниятуллиной [115], К. Явлиева [124], В.И. Асланова [126, 127, 128], Й.Г. Эргин [131], Т.И. Гаджиева [133], И.Б. Кязимова [137], Г.Ш. Кязимова [138], Э.А. Мамедовой [141], Х. Мирзазаде [143], А. Раджабова [145], Р.А. Рустамова [147], А.Ч. Шюкюрова [148], А.М. Маггеррамова [148], А. Танрыверди [149], А. Акар [150], Б. Аталая [152], Н. Байрактар [154], А. Джафероглу [156], В. Джошкуна [157], Н.Демира [158], Ж. Дени [159, 200], Х. Эдискуна [160], А.Б. Эрджиласуна [163], М.Д. Эрдема [164], М. Эргина [165, 166, 167], А.В. Габена [168, 169, 210], Е. Гемалмаза [170], Т. Гюленсоя [172], Дж. Гюльсерена [173], Г. Гюльсевина [174], Т. Гюная [175], А. Гюншена [176], Н. Гаджиэминоглу [177], Е. Калая [178], Л. Карахан [180], А.Ф. Караманлыоглу [181], Дж. Кая [182], З. Коркмаз [183, 184, 185], М. Мансуроглу [186], С. Олджая [187], С. Озчелика [188], М. Сагыра [189], Х. Саврана [190], Ш. Текина [191], Х. Токая [192], С. Толкуна [193], А. Йапыджи [195], Ф.Йылдырыма [196], О. Йылдыза [197], М. Эрдала [199], В. Томсена [201], В. Банга [202, 203, 204], Дж. Бензинга [205, 206], О. Бётлинга [207], Дж. Брокельмана [208, 209], Дж. Немета [211], В. Прохле [212], В.Радлова [213, 214], Г.Дж. Рамстедта [215], М. Рясянена [216], П. Азымова [217], А.Н. Батырмурзаева [218, 219], Д.Г. Тумашевой [220] и Очерках по диалектам туркменского языка [221] и др.

В научном труде В. Алиева «Неличные формы глагола в азербайджанском языке. Масдар, Баку, 1986» [132] была тщательно подробно исследована история

изучения масдаров, а также их парадигматические и синтагматические особенности.

В кандидатской диссертации Р. Мадатовой под названием «*Масдар в письменных памятниках азербайджанского языка 13-18 вв.*» автор на основе богатого текстологического материала исследует грамматические особенности масдаров в письменных памятниках азербайджанского языка, а также пытается определить динамику их исторического развития [139].

«*В сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Морфология*» инфинитив интерпретируется следующим образом: «Инфинитив, как особая глагольная форма, называет действие, состояние или процесс, без указания на его отношение к лицу и числу или реальной действительности» [93, с.483].

Некоторые тюркологи (Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов, Б.А. Серебrenников, Н.З. Гаджиева, К.Г. Ишбаев, В.Д. Ишбаев) отмечают, что развитие инфинитива в различных тюркских языках шло неравномерно. В результате этого особенности употребления и этапы формирования инфинитивных форм различались. Они также полагают, что инфинитив в современных тюркских языках не соответствует инфинитивным формам, зафиксированным в пратюркском языке.

Примечательно высказывание Н.К. Дмитриева относительно развития инфинитива в тюркских языках: «Получается такое впечатление, что живые тюркские языки, в общем, могли, так сказать, обходиться без инфинитива и что развитие в них инфинитива обязано какому-то внешнему толчку со стороны мощного литературного языка: арабского с его масдарами, а в наше время – русского с его инфинитивом, играющим значи-

тельную грамматическую и лексическую роль» [28, с. 171].

Известный интерес представляют наблюдения В.Д. Аракина относительно исторического развития инфинитива в тюркских языках: «По всей вероятности, инфинитив стал складываться лишь после распада общетюркского языка-основы на отдельные языки» [3, с.483].

На наш взгляд, трудно не согласиться с приведенной выше гипотезой В.Д. Аракина, которая подтверждается довольно вескими фактами.

Так, свою гипотезу В.Д. Аракин аргументирует фактом отсутствия в современных тюркских языках единой формы инфинитива, которая восходила бы к одной общетюркской форме инфинитива, а также фактом неравномерного развития инфинитивных форм в современных тюркских языках.

Историческое развитие инфинитива в азербайджанском языкознании было освещено в трудах Г. Багирова, Х. Мирзаде, Р. Мадатовой, И. Велиева и др.

Но, несмотря на разнообразие интерпретаций инфинитива, сущность данной глагольной формы остается идентичной. Иными словами, инфинитивы (масдары, отглагольные имена) одновременно обладают как глагольными чертами, так и особенностями имени существительного.

В тюркских языках инфинитив является одной из неличных форм глагола, характеризующейся морфологическими особенностями, синтаксическими функциями, определенной семантикой. Инфинитивные формы не только различаются от личных форм глагола, но и от

других неличных форм глагола (причастие, деепричастие).

Известный интерес представляют интерпретации некоторых ученых-языковедов относительно категории инфинитива в современных тюркских языках.

Так, в труде С. Джафарова и А. Аббасова «Azərbaycan dilinin sərfi» инфинитиву дано следующее определение: «Масдарами называются глаголы, которые называют только имя действия и не имеющие категории времени, лица и числа» [130, с.93].

В книге «Müasir Azərbaycan dili» инфинитив характеризуется следующим образом: «Масдары, не связанные со временем и категорией лица, посредством признака особого наклонения может показывать лишь название глаголов» [144, с.166].

Аналогичное определение инфинитива дается проф. З. Будаговой: «Масдар, будучи неизменяемой формой глагола по категориям наклонения, времени, лица и числа, обозначает лишь имена действия и состояния» [144, с. 362].

Инфинитивные формы в современных тюркских языках различаются и между собой, т.е. каждая инфинитивная форма имеет присущие ей сходные и отличительные признаки.

ГЛАВА I

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГО- СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНФИНИТИ- ВОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ДИАЛЕКТАХ

Инфинитив на –мак²

Относительно этимологии инфинитива на *-mak/-mek* в тюркских языках большинство ученых придерживаются точки зрения, согласно которой данный аффикс образовался посредством двух аффиксальных морфем *–ма* и *–к*. Данная точка зрения была впервые высказана в 1916 году В. Бангом.

По К. Брокельману, инфинитив на *-mak/-mek* образовался при помощи формы на *–ма* и суффиксов *k, g, γ, h* [4, с. 254].

Инфинитив на *-mak/-mek* рассматривалась Г. Рамстедтом в качестве «сочетания [имени на] *–т* с суффиксом *–ақ*» [216, с. 101].

Форма на *-mak/-mek*, по мнению А. Кононова и Б.А. Серебренникова, является результатом слияния отглагольного имени (или «имени действия») на *–та/–те* в дательном-направительном падеже [43, с.82; 90, с.238].

По А.М. Щербаку, приведенные выше гипотезы ученых относительно происхождения ИФ на *-mak/-mek* не выдерживают критики.

Как отмечает А.М. Щербак: «...нет доказательств того, что *к* в аффиксе *-мак* некогда являлся самостоятельным морфологическим элементом» [120, с. 162].

Относительно происхождения инфинитива на *-tak/-tek* в тюркских языках известный интерес представляют наблюдения П.И. Кузнецова. Так, П.И. Кузнецов подвергая сомнению фузионное происхождение (сочетание двух аффиксальных морфем: *ta+k*), связывает возникновение данного аффикса с трансформированием глагола *bak* – *смотреть, глядеть* в морфему *-tak/-tek*.

П.И. Кузнецов свою гипотезу интерпретирует следующим образом: «Тот факт, что еще в сочинении середины XIII века предпочтение отдавалось ненебному (*tak*) варианту аффикса инфинитива, говорит, между прочим, об относительной «молодости» этого аффикса, а, с другой стороны, свидетельствует против взгляда о его фузионном происхождении (а тем самым и против фузионной теории в целом), так как ясно указывает на сохранявшуюся в то время и, следовательно, достаточно живую связь между данным аффиксом и его этимоном (*bak-*)» [44, с. 45].

Как отмечает М. Гусейнзаде: «В сущности между инфинитивным аффиксом *-таq/-тəк* и аффиксом *-та/-тə* нет значительной разницы» [134, с. 203].

ИФ на *-tak/-tek* в киргизском языке имеет также фонетические варианты с губными гласными: *-мак/-мек/-мок/-мөк*.

На наш взгляд, в основном, это связано с тем, что в данных языках закон гармонии гласных проявляется в наибольшей степени.

Примечательно следующее высказывание А.Э. Мешадиевой: «Закон губной гармонии гласных проявляется в наибольшей степени в киргизском и якутском языках. Помимо этого, в киргизском языке почти все аффиксы имеют четыре варианта изменений гласных, а именно одну пару с негубными гласными и другую пару с губными гласными: например, аффикс множественного числа имеет следующие варианты: *-лар, -дар, -тар, -лор, -дор, -тор, -лөр, -дөр, -төр* и т.д. Далее по мере убывания следуют другие тюркские языки: алтайский, башкирский, ногайский...» [55, с. 215].

Данная форма в современном киргизском языке менее употребительна по сравнению с другими инфинитивными формами. ИФ на *-tak/-tek* в указанном языке передает значение намерения, пожелания. Отметим, что рассматриваемая форма главным образом встречается в произведениях устного народного творчества, в пословицах и поговорках. В научно-публицистических, общественно-политических стилях ИФ на *-tak/-tek* почти не используется, вместо нее функционирует наиболее употребительная форма на *-уу//ыш*.

Рассмотрим примеры: *Ат арытмак – арзан, журт арытмак – кымбат (посл.) – Коня загнать дешево, народ утомить – дорого (народ утомить – не коня загнать)* и т.д.

Отрицательный аспект ИФ на *-tak/-tek* в киргизском языке образуется посредством отрицательного слова *жок - нет*. *Кел демек бар, кет демек жок (посл.) – Есть слово «приходить», нет слова «уходить»* (т.е. званому не говорят «Уходи») и т.д.

ИФ на *-tak/-tek* в киргизском языке принимает аффиксы принадлежности, падежей: *Алмактын бермеги бар, чыкмактын түшмөгү бар* (погов.) – У «взять» есть *отдать*, у «влезть» есть «слезть» (долг платежом красен).

ИФ на *-tak/-tek* выступая в дательном падеже передает главным образом целевой оттенок: *Жол боюндагы дөнсөөгө кайнене-келин болуп, акыл чечмекке отурдук* (Ч. Айтматов) – *Свекровь со снохой, оказавшись на придорожном холмике, присели посоветоваться* [18, с. 316].

Рассматриваемая инфинитивная форма в киргизском языке сочетаясь с послелогом *үчүн*, передает целевое значение, а в сочетании с вспомогательными глаголами *бол, эле, экен* образуют формы желательного наклонения.

В киргизском языке с помощью инфинитивного аффикса на *-tak/-tek* образован ряд имен существительных, модальных слов: *токмок – колотушка, табышмак – загадка, демек – так сказать, следовательно*, и др.

Следует отметить, что процесс перехода ИФ на *-tak/-tek* в разряд существительных наблюдается преимущественно как в киргизском, так и ногайском, башкирском, каракалпакском, татарском, шорском и др.

По этому поводу представляет интерес высказывания А.М. Щербака: «Избирательная субстантивация и адъективация имени действия на *-мак* началось давно, и поэтому «опредмечивание» первоначальных процессуальных значений, с последующим преобразованием некоторых из них в качественные, повсеместно до-

стигло больших размеров, хотя и не является одинаково глубоким во всех языках» [120, с. 162].

В нахчыванском диалекте форма на *-tak/-tek* имеет следующие фонетические варианты: *-tax/-tağ*, *-təx/-mək/-məy*: *saxlatax* – хранить, *tutmağ* – держать, *getməy* – идти, *yetəx* – есть и т.д.

Одной из характерных особенностей инфинитива на *-tak/-tek* в нахчыванском диалекте является то, что эта форма чаще используется с аффиксами *-lix/-liğ/-lix/-lik/-liy*: *danışmağlığ* – разговаривать, беседовать, *dətəxlis* – говорить и т.д.

Аналогичное явление наблюдается также и в шарурских говорах азербайджанского языка. Так, в указанных говорах к инфинитивному аффиксу на *-tak/-tek* в отдельных случаях сочетается с формантом *-lyx²*.

Приведем несколько примеров: *Minin pişməliyi keşdi* – Прошло время его варки; *Döyməxliyə qalsa, bənin bərt döyülməlidir* – Если на то пошло, то он больше него заслужил избиения и т.д. [34, с. 21].

Отметим, что рассматриваемый инфинитивный аффикс имеет следующие фонетические варианты: *-max*, а если основа оканчивается на согласный *-n* – *бах²*: *şinqirovlatmax* – нарядно одеться, *baş tapmax* – понимать и т.д.

Рассмотрим примеры: *Çox yatmaxlıx zərərli adama* – Много спать – вредно для человека; *Hörəy pişirməyliyi bilmirəm* – Я не могу готовить и т.д. [129, с. 111].

Отметим, что форма на *-tak/-tek* в сочетании с аффиксами *lix/-liğ/-lix/-lik/-liy* нередко встречается в художественных произведениях азербайджанского языка. Так, в произведениях Дж. Мамедкулизаде очень часто встречаются инфинитивы на *-tak/-tek* с вышеука-

занными аффиксами: *Bu sözüün, bu görüşməkliyin sənə xeyri var, ya yox?* – *Есть ли польза тебе от этого слова, от этой встречи?*; *Yazıq övrət gecəni səhərə kimi ağlamaqlıq ilə keçiribdi* – *Бедная женщина проплакала всю ночь до утра* [Дж. Мамедкулизаде произведения, 1967, т.2, с.10-11].

В произведениях А. Хагвердиева также можно встретить инфинитивную форму на *-maklik/-meklik*: *Mirzənin dəfnindən sonra neçə gün xalq oğlanlarının yanına sər-sələmətliyə gəlib-getməklik rəsmiyyət idi* – *После похорон Мирзы, народ приходил к его сыновьям, чтобы выразить свое соболезнование. Этот приход носил официальный характер* (А. Хагвердиев).

В кубинском диалекте азербайджанского языка инфинитив на *-tak/-tek* имеет фонетический вариант лишь с твердыми гласными: *-tağ/-tax*. Форма на *-tak/-tek* в рассматриваемом диалекте принимает аффиксы падежей и принадлежности.

Рассмотрим примеры: *Sənün gidməğün nə çix çekdi?* – *Почему ты так долго собираешься?* [146, с.138] и т.д.

В западных диалектах и говорах азербайджанского языка форма на *-tak/-tek* имеет следующие фонетические варианты: *-tax/-təx*. Помимо этого, эта инфинитивная форма имеет также вариант *-bax/-bəx*, которая следует после основ с конечным согласным на *-n (p)*: *qıtiştax* – *gülümsətək* – *улыбаться*; *tüştəx* – *падать*; *tapbax* – *находить* и т.д.

Отметим, что в казахском диалекте азербайджанского языка, подобно нахчыванскому диалекту, инфинитив на *-tak/-tek* принимает аффикс *-lix/-lix*: *baxtaxlix* – *бахтақ* - *смотреть* и т.д. Рассматриваемая

инфинитивная форма способна также принимать аффиксы падежей и принадлежности: *yaşatax* – *yaşatağın* – *жить - твое житье*; *uetax* – *uetau* – *есть - кушанью*, *tüştəx* – *tüştəxdə* – *падать = в падении*, *tapbax* – *tapbaxdan* – *находить – от находки* и т.д.

Инфинитивная форма на *-tak/-tek* в нухинском диалекте азербайджанского языка встречается в фонетическом варианте на *-tax*. Однако, в некоторых говорах нухинского диалекта можно встретить также и вариант на *-təx*. Рассматриваемая инфинитивная форма в нухинском диалекте, подобно другим диалектам азербайджанского языка, принимает падежные аффиксы и аффиксы принадлежности. Приведем примеры: *İşdətmağa güjdəri çatmır* – *У них не хватает сил работать*; *Əhmədin də adını çətməx lazımdı* – *Ахмеда тоже нужно было отметить* и т.д. [136, с.111].

Форма на *-tak/-tek* (в данном диалекте на *-tax/-tax*) иногда принимает аффиксы множественного числа *-lar/-lər*: *Hələ getməxlər çox olar* – *Туда еще долго добираться (идти)* и т.д. [там же, с.111].

В бакинском диалекте азербайджанского языка инфинитив на *-tak/-tek* функционирует в двух фонетических вариантах: *-tek/-tağ*: *gəlmək* – *приходить*, *almək* – *брать, покупать, охитаğ* – *учиться* и т.д. Данная инфинитивная форма способна принимать аффиксы принадлежности, падежей: *almağın* – *твое покушение, тот факт, что ты покупаешь*, *almağa* – *для взятия, приобретения* и т.д.

Следует также отметить, что в бакинском диалекте азербайджанского языка рассматриваемая инфинитивная форма сочетается с аффиксом – *liğ/lik* = *tağliğ/-məklik*. Однако, в данной форме она выступает

в качестве отглагольного имени существительного. В данной функции выступает также и инфинитивный аффикс на *-ta/-te*. Рассмотрим примеры: *oxıtağlıǵ - учеба*, *gəlmeglik - приход*, *asıta - повешение* и т.д.

В современном гагаузском языке инфинитив на *-tak/-tek* семантически и по своему употреблению отличается от аналогичной формы в других тюркских языках огузской группы, так как здесь она перешла в разряд имен существительных.

Известный интерес представляют наблюдения Л.А. Покровской, согласно которым форма на *-tak/-tek* в гагаузском языке прежде функционировала в качестве имени действия: «О том, что форма на *-мак* в гагаузском языке прежде являлась именем действия, свидетельствуют некоторые пережиточные явления. Так, в фольклоре изредка встречаются фразы, где форма на *-мак* имеет значение и функции имени действия, например: *Ичтиләр, идиләр орда да чыкмакта сөyledиләр... – Попили, поели там и, выходя (букв. при выходе), сказали...»* [77, с.110].

В современном туркменском языке ИФ на *-tak/-tek* образуется от всех простых и сложных глаголов. Данная форма принимает аффиксы принадлежности и падежей: *Гелин хем нахар биширмек билен мешгулланырды (Сейтәков Б. Доганлар) – А невестка была занята приготовлением обеда; шилемеги говы гөрйәрин – я люблю работать* и т.д. [20, с. 331].

Отрицательный аспект формы на *-tak/-tek* в туркменском языке, в отличие от других тюркских языков огузской группы, образуется посредством аффиксов *-мазлык/-мезлик*: срав. азерб. – *etmətək*; тур. – *уартатак*; туркм. – *этмезлик – не делать* и т.д.

Однако в некоторых диалектах и говорах туркменского языка дело обстоит несколько иначе. Так, в керкинской группе диалектов туркменского языка отрицательная форма инфинитив на *-tak/-tek* образуется подобно другим тюркским языкам при помощи отрицательного аффикса *-ta/-te/*.

Отметим, что в некоторых тюркских языках форма на *-tak/-tek* не имеет отрицательного аспекта (кумыкский, узбекский и уйгурский языки).

Данный инфинитив в туркменском языке сочетается со словами *герек* – *нужно*, *ислемек* – *хотеть*, *мүмкин* – *возможно*, *чемели* – *вероятно* и т.д.

Рассмотрим примеры: *Бизин агзыбирлик билен херекет этмегимиз герек* – *Нам надо действовать слаженно*; *Олар көнеден таныш болмага чемелиди* – *Вероятно, они старые знакомые* (Б. Сейтәков, Доганлар).

В эрсаринском, текинском, сарыкском, каракалпакском диалектах туркменского языка функционируют фонетические варианты с губными гласными: *-мак/-мок/-мөк*: эрсаринский диалект - *дүшмөк* – *литер. вариант* – *дүшмек* – *падать* и т.д.

В древнетюркских письменных памятниках 8-11 вв. форма на *-tak/-tek* также принимает падежные аффиксы, а также сочетается с некоторыми послелогоми: *Иэмэ адынагука бошгут бошгурмакын сэвэр* – *Он также любит обучать других* и т.д. [39, с. 108].

Инфинитив на *-tak/-tek* в указанных выше письменных памятниках, сочетаясь со словом *кэргэк* – *нужный* передает оттенок долженствования.

Приведем примеры: *Бир йылкы йазукумузны бошуйу колмак кэргэк эрти* – *Было нужно просить об отпущении наших грехов за год* [там же, с.108].

Примечательно отметить, что рассматриваемая форма обладает как субстантивными, так и глагольными особенностями. Так, в некоторых тюркских языках данная форма перешла в разряд существительных (гагаузский, татарский язык), а в других выступает в качестве основы будущего времени с оттенком намерения (казахский).

В северных диалектах алтайского языка инфинитивы используются довольно редко. Слабая продуктивность инфинитивных форм присуща не только диалектам и говорам алтайского языка, но и современному алтайскому литературному языку.

Так, в чалканском диалекте алтайского языка инфинитив на *-tak/-tek* главным образом выступают в качестве отглагольных имен и не управляют падежными аффиксами. Данная инфинитивная форма (зд. отглагольное имя) имеет несколько фонетических вариантов: *-мак/-мек/-пак/-пек/-бак/-бек*; *-мык/-мик/-пык/-пик/-бык/-бик*.

Рассмотрим примеры: *ил - зацепить – илбек - зацепление*; *аш - переваливать – ашпак – перевал* [8, с.43].

В современном каракалпакском литературном языке имена действия (инфинитивы) подразделяются на две группы: первичные и вторичные имена действия. Отличительными признаками этих двух групп являются отсутствие временных значений (первичные имена действия) и наличие временных значений (вторичные имена действия).

Инфинитив на *-tak/-tek* в каракалпакском языке относится к первой группе имен действия. Данная

форма имеет следующие фонетические варианты: -мак/-мек, -бак/-бек, -пак/-пек.

Как мы отметили выше, первичные имена действия, а именно форма на -мак/-мек, -бак/-бек, -пак/-пек не передают временных значений. Однако, следует отметить, что в зависимости от контекста, различных грамматических средств, места в соответственном контексте и определенной связи с другими словами, способны передавать некоторые временные значения.

Инфинитив на -мак/-мек, -бак/-бек, -пак/-пек в каракалпакском языке, сочетаясь с аффиксом местного падежа (-макта/-мекте, -бакта/-бекте, -пакта/-пекте), обозначают продолжительность действия в настоящем времени. Форма на -мак/-мек, -бак/-бек, -пак/-пек в указанном варианте довольно часто употребляется в рассматриваемом языке: *ислемекте - работать* и т.д.

Использование инфинитив на -мак/-мек, -бак/-бек, -пак/-пек в местном падеже в роли сказуемого стало одной из самых употребительных норм каракалпакского литературного языка. Употребление данной формы в местном падеже главным образом можно встретить в периодической печати, а также в произведениях художественной литературы.

Небезынтересно отметить что, в некоторых тюркских языках (турецком, уйгурском и узбекском) данная инфинитивная форма, также сочетаясь с аффиксами местного падежа, передают значение настоящего времени с оттенками продолжительности.

Инфинитив на -мак/-мек, -бак/-бек, -пак/-пек в современном каракалпакском языке, как и большинстве современных тюркских языков издревле существует.

Рассматриваемая форма в современном каракалпакском языке относится к малоупотребительным инфинитивным формам. Преимущественно они встречаются в произведениях устного народного творчества, в пословицах и поговорках, а также в поэзии.

В каракалпакском языке форма на *-мак/-мек*, *-бак/-бек*, *-нак/-нек* образуется как от глагольной основы, так и от глагольных залогов: *келмек* – *приходить*, *окымак* – *читать*; *калдырмак* – *поднять*, *кийинбек* – *одеваться* и т.д.

Отметим также, что инфинитив на *-мак/-мек*, *-бак/-бек*, *-нак/-нек* в каракалпакском языке принимая аффиксы *-шы/-ши*; *-лык/-лик*, образует слова, передающие значение процесса действия: *келмеклик* – *процесс прихода* и т.д. Следует указать, что рассматриваемая инфинитивная форма, сочетаясь с аффиксом *-шы/-ши* передает оттенок намерения, пожелания: *алмакъшы* – *он намерен взять* и т.д.

Факты сочетания ИФ на *-мак/-мек* с аффиксами на *-лик/-лик* зарегистрированы и в тюркских текстах X-XIII из Восточного Туркестана (Уйгурстана): *-маклук/-маклук*.

Инфинитив на *-мак/-мек* в восточнотуркестанском языке именуется А.М Щербаком субстантивными отглагольными именами [118, с.131]. Данная форма встречается обычно в текстах, в которых преобладают особенности уйгуро-огузского диалекта.

В отдельных случаях форма на *-мак/-мек* в рассматриваемых текстах в предложении выступает в качестве определительного члена. Например: *Куртулмак жолба тэгинәлим* – *пойдем-ка по дороге освобождения* [118, с. 132].

Известный интерес представляют наблюдения Н.А. Баскакова относительно сочетания *мак+шы/-мек+ши*: «Благодаря частому употреблению этой формы в значении формы намерения, желания, решимости и пр., эта семантика перешла и на форму *-макъ/-мек*, точно так же, как семантика желания, стремления перешла на редуцированную форму *-гъы/-ги* от более полной формы на *-гъысы/-гиси*, тем более, что и аффиксы *-сы/-си* и *-шы/-ши* генетически представляют собой единство и имеют общую семантику стремления, влечения, желания» [5, с.422].

Подобно другим тюркским языкам, в каракалпакском языке инфинитив на *-мак/-мек*, *-бак/-бек*, *-пак/-пек* принимает падежные аффиксы, аффиксы числа и принадлежности.

В редких случаях эта форма способна принимать аффиксы лица. Например: *Мен кайда туспекпен, сол гуман* – *Где я остановлюсь, это неизвестно* [48, с.14].

Отметим, что данное явление наблюдается в казахском и киргизском языках.

Обращает на себя внимание следующая особенность формы на *-мак/-мек*, *-бак/-бек*, *-пак/-пек*. Так, рассматриваемая форма, принимая аффиксы множественного числа, как правило, присоединяет к себе аффиксы принадлежности.

В турецком, азербайджанском и кумыкском языках указанная инфинитивная форма не принимает аффиксов множественного числа.

Инфинитив на *-мак/-мек*, *-бак/-бек*, *-пак/-пек* в современном каракалпакском языке выступая в качестве подлежащего и сказуемого стоит в именительном падеже. Например: *Маган кайда сиз минген шынларга*

минбек – Куда мне подняться на ту вершину, на которую поднялись вы [48, с.16].

В письменных памятниках каракалпакского языка 19- нач. 20 вв. также имеются фонетические варианты на *-мак/-мек, -бак/-бек, -пак/-пек: көрмек – увидеть*.

Инфинитив на *-так/-тек* в современном татарском языке является неупотребительной инфинитивной формой. Данная инфинитивная форма употреблялась в качестве инфинитива с древнего периода до начала 20-го века.

В современном татарском языке рассматриваемая инфинитивная форма используется лишь с аффиксами местного падежа *-та/-тә*. Но и в этом варианте она используется в некоторых художественных произведениях.

Так, например, в произведениях Г. Тукая можно встретить форму на *-так/-тек* в сочетании с аффиксами местного падежа: *Кайсысы сатмактадыр, кайсы ала – Кто-то продает, кто-то покупает* [95, с.232].

В литературном татарском языке рассматриваемая инфинитивная форма наблюдается лишь в некоторых сочетаниях: *нишләмәк кирәк – Что делать* и т.д.

В известной степени отличается сфера употребления инфинитив на *-так/-тек* в языке сибирских татар. Данный инфинитивный аффикс употребляется в 2-х функциях: 1) в функции причастия будущего времени; 2) в функции инфинитива.

Рассмотрим примеры: *Йасмак сүснi латум сөйләү гәрәк – Слово, которое будет записано, надо говорить ладом; Пицән җапмак кәрәк – Надо косить сено* [106, с.77-78].

Примечательно высказывание Д.Г. Тумашевой относительно причастной функции ИФ на *-tak/-tek* в диалектах сибирскотатарского языка: «Наличие причастия на *-мак* и *-макцы* в барабинском диалекте является одним из признаков общности его с казахским языком» [106, с. 78].

Аффикс на *-tak/-tek*, выступая в указанном языке в качестве инфинитива, способно принимать аффиксы принадлежности и падежей.

Рассмотрим примеры: *Ана соран тормагы та йок – Ему и незачем спрашивать; Неймәни ишләмәгimни үсiм пiлiрiм – Что мне надо будет сделать, я сам узнаю* [106, с. 78].

Примечательно, что аффикс на *-tak/-tek*, выступая как в качестве причастия, так и инфинитива передает оттенок намерения, долженствования, необходимости.

В диалекте западносибирских татар также встречается форма на *-tak/-tek*: *Ничек пелмәк кәрәк – как нужно знать?* и т.д.

В диярбакырском диалекте турецкого языка инфинитивная форма на *-tak/-tek* функционирует в единственном фонетическом варианте на *-mah*.

Данная форма в рассматриваемом диалекте не подчиняется закону гармонии гласных: *sevmaḥ – sevmek – любить; vermaḥ – vermek – давать; almaḥ – almak – брать* и т.д.

Рассмотрим данную инфинитивную форму в еще одном примере: *Padişah kellesini uçırmaḥ için cellaha etir verḥi – Падиишах приказал палачу отрубить ему голову* [155, с.154].

Как мы отмечали выше, инфинитивная форма на *-tak/-mek* в турецком и азербайджанском языках не принимает аффиксов множественного числа. Однако, следует отметить, что если в контексте необходимо передать оттенок чрезмерности, исследуемая форма может принимать аффиксы множественного числа, например: *Bir gülmekler, bir sırtmaklar, sorma gitsin* – Там так смеются, так ухмыляются, что даже не спрашивай и т.д.

Аналогичный вариант наблюдается в редких случаях и в современном узбекском языке. Следует отметить, что инфинитивная форма на *-moq* в узбекском языке во множественном числе сочетается как правило с аффиксами принадлежности третьего лица: *келмоқ-лари мумкин - возможно они придут* и т.д.

В современном турецком языке также встречается имя действия на *-maklık/-meklik*. В указанном языке эту форму называют «распространенным инфинитивом». Форма на *-maklık/-meklik* с синтаксической точки зрения является грамматическим синонимом формы на *-ta*. Однако, данная форма в турецком языке менее употребительна, чем форма на *-ta*. Форма на *-maklık/-meklik* передает значение с оттенками возможности, способности субъекта в выполнении действия. В предложении рассматриваемая форма выступает в качестве развернутого главного члена предложения, развернутого второстепенного члена предложения (дополнения, обстоятельства, определения).

Поясним сказанное на конкретных примерах:

Bizim alaka göstermemekliğimiz pek acı bir şeymiş – То, что мы не проявили интереса – весьма печально [162, с. 466].

Как мы видим из приведенного выше примера, форма на *-maklık/-meklik* принимает аффиксы принадлежности. Помимо этого, данная форма может принимать и падежные аффиксы.

Имя действия (инфинитив) на *-mak/-mek* в современном турецком языке принимает кроме родительного все падежные аффиксы. В отличие от других инфинитивных форм инфинитив на *-mak/-mek* не принимает аффиксов принадлежности и аффиксов множественного числа.

ИФ на *-mak/-mek* в предложении может выступать в качестве развернутого главного члена предложения (подлежащего и привязочной части сказуемого). Рассмотрим примеры: в качестве подлежащего и сказуемого - *Gişede билет kesmek, dekorları yapmak, çadırı bir yerden bir yere taşımak benim işimdir* – Мое дело – отрывать (давать) билеты, делать декоры, перевозить от одного места на другое палатки (Aziz Nesin, Orkestra adam, с.24); *Yaşamak çalışmaktır* – жить – значит работать и т.д.; в качестве дополнения – *Odama çıkmağı ve biraz kitap okumağı düşündüm* – Я думал подняться в свою комнату и немного почитать книгу (прямое допнение в винительном падеже); в качестве косвенного дополнения – *Selma Hanım, bir taraftan bunu seyrediyor, öbür taraftan bunun halk üzerindeki tesirini anlamağı çalışıyordu* – Сельма ханум, с одной стороны наблюдала, с другой стороны пыталась осознать его влияние на народ (форма на *-mak/-mek* в дательном падеже) (Y.K. Karaosmanoğlu, Ankara, с.184); ... “*Dersem de inanmayın, çünkü bu cekete para verecek bir müşteri henüz çıkmadı*” diyerek, çevresini gülmekten kırıp geçiyor –... “Если я даже скажу не верьте, так как еще не

нашлось покупателя, который заплатил бы за этот пиджак” сказав, очень рассмешил окружающих; *Yüzüne bakmaktan korkardım* – Я боялась посмотреть ему в лицо (инфинитив на *-mak/-mek* в исходном падеже) (S. Kaplan, Yunus meltemi, с.97) и т.д.

Следует отметить, что в функции прямого дополнения в современном турецком языке в основном выступает инфинитивная форма на *-ma/-me*.

Форма на *-mak/-mek* в современном турецком языке сочетаясь с некоторыми послелогоми, синтаксически выступает в качестве развернутого обстоятельства (обстоятельства образа действия, цели и т.д.).

Рассмотрим несколько примеров:

Amcam... garip hikayeler anlatmakla tanınmıştı – Мой дядя (по отцу) был известен умением рассказывать странные истории... (обстоятельство образа действия); *Garsonun gelmesiyle kesilen konuşma, yeniden başlamak için biraz gecikti* – Разговор, прекращенный приходом официанта, немного затянулся, чтобы вновь начаться (S. Kaplan Yunus meltemi, с.102).

Помимо вышеприведенных послелогов, инфинитив на *-mak/-mek* сочетается с выражением «*şöyle dursun*». Сочетаясь с данным выражением, рассматриваемая инфинитивная форма в положительном аспекте передает значение: *не только, что...*, *не то, что*, а при отрицательном аспекте – *мало того, что, не говоря уже о том, что...*

Приведем несколько примеров: *Bir şey yemek şöyle dursun, hatta bir damlacık su bile içemiyordu* – Не то чтобы съесть что-нибудь, он даже и капельки воды не мог выпить [42, с. 470].

Относительно ИФ на *-tak/-mek* в староосманском языке В.Г. Гузев отмечает следующее: «Глагольные субстантивы функционально близки именам существительным, что проявляется в их способности выступать во всех грамматических категориях этой части речи, кроме, по-видимому, категории числа» [24, с.67].

В староосманском языке зафиксированы как форма на *-tak/-mek*, так и форма на *-maklık/-meklik*.

Рассмотрим несколько примеров: *Ölüm bir kapudur gätmäk gäräkdür* – *Смерть – врата, через которые надо пройти*; *vä likin bänüm kurtylmaklyguma tädbir nitä bilürsin?* и т.д. [там же, с. 67].

Проблема категории инфинитива занимает важное место в морфологии узбекского языка. Однако, несмотря на это, различные особенности и функции инфинитивных форм в узбекском языке до сих пор остаются нерешенными.

В этой связи справедливо мнение Ф. Исхакова: «Что же касается термина «инфинитив» («неопределенная форма глагола»), то он связан, прежде всего, с разрешением самого вопроса о наличии инфинитива в узбекском языке вообще как грамматической категории и с выяснением его специфики. Однако вопрос о категории инфинитива в узбекском языке, к сожалению, остается пока теоретически не разрешенным» [35, с.4].

На ранних этапах развития узбекского литературного языка инфинитивная форма на *-moq* была более употребительна по сравнению с современным этапом указанного языка.

В настоящее время инфинитивная форма на *-moq* в современном узбекском языке используется главным образом в книжном стиле языка. Более частое функци-

онирование исследуемой форму наблюдается в устном народном творчестве, а также в некоторых диалектах и говорах узбекского языка.

В ряде научных трудов форму на *-tak/-mek* рассматривают как исходную форму глагола.

Следует отметить, что форма на *-tak/-mek* в современном узбекском языке имеет лишь один фонетический вариант с губной гласной *o*: *-moq*.

Примечательно отметить, что инфинитив на *-tak/-mek* в современном узбекском языке отличается от аналогичной формы в других тюркских языках. Прежде всего, это несходство проявляется в грамматических свойствах формы на *-tak/-mek*. Так, исследуемая форма в узбекском языке, в отличие от некоторых тюркских языков, носит в основном номинативный характер. Номинативность формы на *-tak/-mek* в указанном языке выражается в следующем:

1) инфинитивная форма на *-moq* не принимает отрицательного аффикса на *-ta*. Однако, отметим, что на более ранних этапах узбекского литературного языка в отдельных случаях можно встретить сочетание инфинитивной формы на *-moq* с отрицательным аффиксом на *-ta/-te*: *истаб топмамок* и т.д.

2) в отличие от некоторых тюркских языков инфинитивная форма на *-moq* способна принимать аффиксы принадлежности, родительного падежа и множественности: *олмогим - факт моей покупки, олмоқлариниң - факт их покупки* и т.д.

Подобно другим тюркским языкам инфинитивная форма на *-moq* в узбекском языке сочетается с модальными словами *мумкин, керак, лозим, зарур* – необходи-

мо, возможно, которые передают оттенки возможности, необходимости, вероятности.

В современном узбекском языке инфинитивная форма на *-моқ* сочетается лишь с двумя аффиксами: *-лик/-лиқ* и *чи*. Форма на *-моқлик* отличается от первичной формы на *-моқ* оттенком абстрактности.

Инфинитивная форма на *-моқлик* сочетаясь в отдельных случаях со словами *бунча (мунча), унча, шунча*, передает различные оттенки модальности: *мунча куймаклик*.

Форма на *-моқчи* является наиболее продуктивной формой в современном узбекском языке. Указанная форма выступает в качестве спрягаемой формы глагола и передает значение цели, намерения: *бормоқчиман - я собираюсь доехать, бормоқчимиз – мы собираемся доехать и т.д.*

В современном ногайском языке форма на *-так/-тек* относится к непродуктивным инфинитивным аффиксам. Данная форма в основном встречается в поговорах и поговорках ногайского языка, например: *Алмактынъ коьрки бермек (пословица) – Когда берешь, не забывай об отдаче* и т.д.

В современном башкирском языке форме на *-так/-тек* свойственна полисемантическая. Так, рассматриваемая инфинитивная форма кроме значения инфинитива, выступает также в качестве имени действия, отглагольного существительного и прилагательного.

Подобно другим инфинитивным формам башкирского языка (*-ма, -макка, -мага, -(ы)рға*), форма на *-мак/-мек* передает целевое значение: *бармак кэрэк – надо идти, ехать*.

Обращает на себя внимание следующая особенность инфинитив на *-tak/-mek* в башкирском языке. Так, форма на *-tak/-mek* выступая в качестве инфинитива, не принимает аффиксов лица, принадлежности, падежей и множественного числа.

-Mak/-mek в исследуемом языке образуется от любой глагольной основы, а также в ней отражаются значения залоговой и видовой категорий.

В известной степени отличается отрицательный аспект формы на *-tak/-mek* в башкирском языке. Так, отрицательная форма инфинитива на *-tak/-mek* в башкирском языке, в отличие от других тюркских языков, образуется посредством отрицательного аффикса *-маҫка*. Отметим, что при помощи данного аффикса образуется отрицательная форма другой инфинитивной формы башкирского языка – *(ы)рға*: *уйларға кәрәк – уйламаҫка кәрәк; уйламак кәрәк – уйламаҫка кәрәк = надо думать – не надо думать* и т.д.

В современном башкирском языке, в отличие от тюркских языков огузской группы, аспекты возможности и невозможности формы на *-tak/-mek* малоупотребительны. Аспект возможности инфинитива на *-tak/-mek* в указанном языке образуется посредством сочетания данной формы со модальным словом *мөмкин*, а аспект невозможности – модального слова *мөмкин* и отрицательного слова *түгөл* и глаголом *бул*.

Рассмотрим примеры: *бармак мөмкин – можно идти; касмак мөмкин түгөл – невозможно бежать* и т.д.

Интересно отметить, что остальные инфинитивные формы башкирского языка могут образовывать аспекты возможности и невозможности посредством гла-

гола – бул: *тотмакка була / тотмага була – можно держать; тотмакка булмай / тотмага булмай – невозможно держать* и т.д.

Примечательно также отметить, что образование аспекта возможности и невозможности посредством глагола встречается и в современном узбекском языке. Данное сочетание в узбекском языке в основном зафиксировано в поэзии и фольклоре и передает значение цели, намерения и желания.

В айском говоре башкирского языка довольно широко употребляется инфинитив на *-tak/-tek*: *Ней кулын менән амак кәрәкк – Какой совестью можно было взять* и т.д.

Отрицательный аспект рассматриваемой формы в айском говоре башкирского языка образуется посредством ирреальной формы – *Нейә бөгөн кайтмаҫка инде – зачем сегодня приезжать* [49, с. 58].

В сальютском говоре башкирского языка не зафиксирована ИФ на *-tak/-tek*, которая характерна для остальных говорах восточного диалекта.

В отличие от современного литературного башкирского, в источниках, которых зарегистрированы лишь две инфинитивные формы (*ырга/ергә* и *ыу/еу*), в диалектах и говорах указанного языка существуют почти все инфинитивные формы, как башкирского языка, так и некоторых других тюркских языков.

Отметим, что в диалектах и говорах башкирского языка функционируют также и те инфинитивные формы, которые либо не употребляются, либо относятся к пережиточным явлениям.

Данный факт можно отнести к форме на *-tak/-tek*, которая находит широкое употребление в диалектах и говорах башкирского языка.

В этой связи справедливо высказывание Н.Х. Максютовой: «Ограничение форм инфинитива лишь этими формами, а также отнесение инфинитива на *-мак/мэк* к пережиточным явлениям не подтверждаются материалами говоров и диалектов» [49, с. 236-237].

Материалы диалектов и говоров башкирского языка подвергают сомнению мнение о неформленности категории инфинитива в башкирском языке.

Наиболее показательным на этот счет высказывание Н.Х. Максютовой: «Говоры башкирского языка, особенно говоры восточного диалекта, обладают установившимися формами инфинитива на *-мак/-мэк*, *-галы/-гале*, *-ыу/-еу*, *-ырга/-ергә*, что, с одной стороны, опровергает высказывание об узком диапазоне инфинитива и его неформленности в башкирском языке, с другой – дает возможность обогатить категорию инфинитива в литературном языке на основе материалов говоров и диалектов, где нормой является лишь форма на *-ырга/-ергә*».

Инфинитив на –ма²

Инфинитив на *-та/-те* является одним из древнейших инфинитивных форм. Форма на *-та/-те* в тюркских языках характеризуется как сходными, так и отличительными морфологическими, синтаксическими, фонетическими признаками.

В тюркских языках инфинитив на *-та/-те* прошел довольно сложный путь развития. Рассматриваемая ин-

финитивная форма встречается в самых ранних древнетюркских письменных памятниках, относящихся к V-XI векам.

В современном башкирском языке форме на *-ma/-te* присуща многозначность. Данная форма преимущественно выступает в качестве отглагольных имен существительных и прилагательных.

Интересно отметить, что рассматриваемая форма в современном башкирском языке в качестве инфинитива выступает довольно редко.

В качестве инфинитивной формы она наблюдается главным образом в айском и гайнинском говорах башкирского языка.

Инфинитив с показателем *-ырга* в башкирском языке считается самым распространённым, формы на *-май, -мага, -ыуга, -ма/-мэ* чаще встречаются в диалектах. По мнению Д.Г.Тумашевой, диалектная деепричастная форма на *-галы* тоже употребляется и в значении инфинитива [106, с. 147]. Отметим также, что инфинитив с аффиксом *-галы* использовался лишь в исторических документах.

Как известно, имя действия представляет собой "гибридную" форму: оно сочетает в себе и качества глагола (примыкает к глагольной лексике), и грамматические категории имени (принадлежность, число, падеж). В нынешней стадии развития башкирского языка самой распространённой формой считаются имена действия с показателем *-ыу/-еу*. Имена действия на *-мак/-мэк, -ыш/-еш* наиболее употребляемые в XVII-XVIII веках, в современном башкирском языке потеряли былую активность, а форма на *-ма/-ме* в литературном языке почти не наблюдается.

Инфинитив на *-та/-те* в башкирском языке передает оттенки намерения, желания (*барма кәрәк – надо идти, ехать* и т.д.).

Следует также отметить, что действие, обозначаемое рассматриваемой инфинитивной формой носит статический характер, в то время как такие инфинитивные формы как *-ырга, -макка, -мага* передают более динамическое действие.

Форма на *-та/-те* в современном башкирском языке выступая в качестве инфинитива, не принимает аффиксов лица, принадлежности, падежей и числа. Данная форма в башкирском языке образуется от всех глагольных основ.

Относительно отрицательного аспекта формы на *-та/-те* в башкирском языке, следует отметить, что он совпадает с отрицательной формой инфинитива на *-ырга*: срав. *уйларга кәрәк – уйламаҫка кәрәк = уйлама кәрәк - уйламаҫка кәрәк - надо думать – не надо думать*[37, с.12].

Инфинитив на *-та/-те* встречается и в восточном диалекте башкирского языка. Эта форма в данном диалекте употребляется в значении целенаправленности действия: *Балык эләкмә гитте – Пошел рыбачить* [63, с.140].

В отличие от восточного диалекта, в южном диалекте башкирского языка форма на *-та/-те* выступает преимущественно в качестве имени действия: *тирмә - һәрмәһенә мине лә апар – На собрание и прочее и меня возьми – (тирмә – лит. тиреү – собрание ягод)* и т.д. [49, с. 67].

Относительно инфинитивных форм в современном татарском литературном языке необходимо ука-

зять, что, основной инфинитивной формой в данном языке является форма на *-ырга/-ергэ*, а в отрицательной форме *-маска/-мэскэ* которая уже бытовала в письменных памятниках периода Казанского ханства, хотя как показывают некоторые исследования, в то время более активно употреблялись формы, производные от *-ма/-ме*: *-мак/-мек*; *-мага/-мэгэ*, которые в настоящее время являются архаичными инфинитивными формами.

Примечательно, что указанные инфинитивные формы сохранились во многих говорах татарского языка. Отметим также, что до начала XX века в письменно-литературном языке инфинитив на *-мак/-мэк* употреблялся в дательном-направительном и местном падежах. Другие же формы, хотя и очень редко, зафиксированы как в письменных памятниках, так и в некоторых говорах татарского языка.

Так, в мишарском диалекте татарского языка инфинитив на *-та/-те* по своему значению совпадает с инфинитивной формой на *-ырга*: *Эшкэ йермэ йырма – Ходить на работу далеко; Анда ике киң кунма кирэк – там надо ночевать две ночи* и т.д. [52, с.195].

Как мы видим, рассматриваемая инфинитивная форма в татарских диалектах является довольно употребительной и функционирует как самостоятельно, так и с различными модальными конструкциями.

Инфинитив на *-та/-те* в современном турецком языке иногда называют «усеченным инфинитивом». Данная инфинитивная форма в предложении выступает в качестве главных и второстепенных членов предложения: *Çocuğın okuması bozuktur – Ребенок плохо читает* и т.д.

Небезынтересно отметить, что авторы грамматик по турецкому языку в основном полагали, что форма на *-ta/-te* произошла из формы *-tak/-mek* в результате отпадения конечного *k*.

Данный подход к выявлению этимологии аффикса на *-ta/-te* отчетливо виден по используемому термину «*inceltilmiş (tahfifi) mastar, hafif mastar, усеченный инфинитив*» [41, с. 109; 153, с. 421].

Примечательно высказывание Т. Бангуоглу относительно инфинитивной формы на *-ta/-te*: «Инфинитивы (отглагольные имена) на *-ta/-te* образовались от формы на *-tak/-mek* и в современном турецком языке они являются наиболее распространенными формами, чем формы на *-tak/-mek*, а также отличаются сферой употребления» [153, с. 421].

Рассматриваемая инфинитивная форма в турецком языке может употребляться как с аффиксами принадлежности, так и без них.

Отметим, что форма на *-ta/-te* употребленная без аффиксов принадлежности в форме некоторых падежей, а именно винительного, дательного, местного и исходного падежей, семантически сходится с инфинитивной формой на *-tak/-mek*. ИФ на *-ta/-te* не принимая аффиксов принадлежности в винительном падеже, выступает в роли развернутого прямого дополнения: *Neleri seviyordun? Arasira sinemaya gitmeyi, roman okumayi filan* (S. Ali Bir iskandal) – *Что же он любил? Время от времени ходит в кино, читать романы и т.д.*

Рассматриваемая форма без аффиксов принадлежности в дательном падеже выступает в качестве развернутого косвенного дополнения: *Yaşça kendisinden*

büyük olduğı halde onu korutıya, ona ağabeylik etmiye başladı – Несмотря на то, что он был старше его по годам, он стал его оберегать, заступил место старшего брата (S. Ali, Kuyucaklı Yusuf, с. 35).

Форма на *-ta/-te* в предложении может выступать также в роли развернутого обстоятельства времени. Выступая в качестве развернутого обстоятельства времени, инфинитив на *-ta/-te* не принимает аффиксов принадлежности и бывает в форме местного падежа.

В современном турецком языке форма на *-ta/-te* нередко сочетается с послелогоми *için, ile, üzerine*.

Инфинитив на *-ta/-te*, сочетаясь с послелогом *için* передает значение развернутого обстоятельства цели: *Вu işi görmen için sana kaç para verdiler? – Сколько тебе дали денег, чтобы ты выполнила эту работу?* (N. Hikmet, Kafa tası, с. 45); сочетаясь с послелогом *ile* передает два значения, а именно: а) развернутого обстоятельства времени: *İkinci уaprak üniversiteye girmetle açılıyor – Вторая страница (воспоминаний) начинается с моего поступления в университет* [42, с. 460]; б) развернутого обстоятельства образа действия: *İş yalnız kızınızın sokağı düşmesiyle de bitmez – Дело не кончится только тем, что ваша дочь окажется на улице*; сочетаясь с послелогом *üzerine* также передает значение развернутого обстоятельства: *Kalk, be... diye bağırması üzerine bütün kuvvetlerini topladı (Y.K. Karaosmanoğlu, Ankara, с. 78) – Вслед за его возгласом: Ну, вставай..., - он собрал все свои силы.*

Как мы видим, форма на *-ta/-te* в современном турецком языке, сочетаясь с вышеприведенными по-

слелогами, принимает аффиксы принадлежности: *girmemle, görmen için, bağırması üzerine*.

Инфинитивная форма на *-ma/-me* в современном турецком выражает различные с семантической точки зрения действия. Так, рассматриваемая форма выражает действие, которое мыслится как предстоящее, действие ожидаемое, желаемое:

Sizin saat beşte gelmenizi söyledi – Он сказал, чтобы вы пришли в пять часов; выражает факт совершения действия: *Kadın... konuşmasına devam etti* – Женщина продолжала говорить [42, с. 460].

Иногда форма на *-ma/-me* обозначает название действия: *İnsanın kendi nefsinden nefret etmesi kadar dünyada azap verici birşey yoktur sanıyorum* – Я думаю, что на свете нет ничего мучительнее для человека, чем отвращение к самому себе (Ö. Seyfettin, Miras, с. 32).

Инфинитив на *-ma/-me* в караимском языке отличается от таковой в других тюркских языках. Так, форма на *-ma/-me* в указанном языке не принимает аффиксов принадлежности, падежей, числа.

Рассматриваемая инфинитивная форма в караимском языке в предложении преимущественно сочетается с предикативами и модальными словами: *керяк /керек* – нужно, *йарэйт/йарайт* – ладно, хорошо и т.д.

Форма на *-ma/-me* в основном встречается в разговорной речи: *не ишлямя, айт!* – Скажи, что делать!; *Тохтады юрюмя* – перестал ходить; *баиштей ирлама* – начинает петь и т.д.

В караимском языке форма на *-ma/-me* главным образом выражает цель, которую преследует действие другого глагола: *Багынма үстюмя кайырадыр бойнун* –

Он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня [70, с. 295].

Данный инфинитив нередко сочетается с именами *вахт* - время, пора, *борчлу/борцлу* – обязан, *йенгил* – легко: *вахт кетмя* – пора идти; *Борчлубуз айта ки...* *Борцлубуз айта ки* – Мы обязаны сказать, что... и т.д.

Помимо этого, можно встретить самостоятельное употребление формы на *-та/-те* в караимском языке: *Гуфну кыстама* – берини тузаклама, *дзанны кыстама* – *кигирцинни баскалама* – Мучить тело, значит обуздать волка, *мучить душу* – *мять голубя*.

Самостоятельное употребление рассматриваемой инфинитивной формы объясняется К.М. Мусаевым как результат калькирования инфинитивных оборотов русского языка [70, с.296].

Следует отметить, что форма на *-та/-те* в караимском языке не принимает отрицательного аффикса на *-та/-те*. Однако, в караимском языке наличествует отрицательная форма инфинитива на *-та/-те*, которая образуется посредством аффикса *-масха*, *-мяскя*, *-маска*, *-меске*. Данная форма в караимском языке употребляется редко. Рассмотрим примеры: *билмяскя/ билмеске* – не знать, чтобы не знать; *алмасха / алмаска* – не брать, чтобы не брать и т.д.

Форма на *-та/-те* в гагаузском языке имеет фонетический вариант на *-маа/-мӓӓ* и употребляется в различных синтаксических функциях.

Небезынтересно отметить, что поскольку форма на *-маа/-мӓӓ* в гагаузском языке является единственной инфинитивной формой, функции данной формы значительно шире функций таковой в других тюркских языках.

В современном гагаузском языке различаются независимый и зависимый инфинитив на *-маа/-mää*. Форма на *-маа/-mää* в качестве независимого инфинитива употребляется в функции главных членов предложения. Однако отметим, что такого рода инфинитивная форма наблюдается довольно редко. Рассмотрим примеры: *ишлемää – айып диилдир – Работать – не стыдно* (инфинитив в функции подлежащего); *Бизим давамыз – ислää үүренmää – Наша задача – хорошо учиться* (инфинитив в функции сказуемого) [76, с.170].

Зависимый инфинитив на *-маа/-mää* выступает в качестве компонента составного сказуемого, второстепенных членов предложения (дополнения, определения и обстоятельство цели). Рассмотрим несколько примеры:

Биз истеериз экскурсиеä гимmää – Мы хотим пойти на экскурсию (инфинитив в составе глагольного сказуемого); *Куфнедä хазырлээрлар имää гелиннерим – На кухне готовят поесть мои невестки* (в функции дополнения); *Табеети варды – еркен гелmää – У него была привычка – приходит рано* (определение) [76, с.176].

Небезынтересно отметить, что в других тюркских языках инфинитив употребляется в определительной функции лишь в изафетной форме 2-го типа, т.е. когда определяемое снабжено аффиксом принадлежности 3-го лица, например: *evlänmäk vaxtı – время жениться*, *düşünmäk imkanı – возможность размышлять* (азерб. яз), *çalışmak zamanı – время работать* (рабочее время) (тур. яз.) и т.д.

Примечательно, что в туркменском языке рассматриваемый инфинитив, сочетаясь с именами суще-

ствительными, главным образом принимает аффиксы родительного падежа: *окамагын вакты – время учебы*.

Инфинитив на *-маа/-mää* в гагаузском языке в предложении употребляется также в качестве обстоятельства цели: *Гелди динненmää оолум Мити – Приехал отдохнуть мой сын Митя* и т.д.

Отметим, что целевой оттенок рассматриваемой инфинитивной формы усиливается посредством частицы *дейни/дейне – чтобы*: *Тудорка, нăжын, корунмаа деени гирер соба ардына – Тудорка, что ей делать, чтобы уберечься, прячется за печку* и т.д.

ИФ на *-маа/-mää* в гагаузском языке имеет некоторые особенности, отличающие ее от инфинитива в других тюркских языках огузской группы:

1) форма на *-маа/-mää* не воспринимается как форма дательного падежа инфинитива на *-мак/-мек* в других тюркских языках огузской группы, а является неспрягаемым инфинитивом;

2) инфинитив в гагаузском языке не имеет именных свойств;

3) инфинитив в гагаузском языке в предложении следует обычно после глагола сказуемого, а не до него, подобно другим тюркским языкам огузской группы;

4) слово *дейни* в гагаузском языке способно сочетаться с инфинитивом, чего не наблюдается в отношении союзного слова *дийе/ deyə/ deyir* в других тюркских языках.

Общеизвестно, что союзное слово *deyə / diye* служит в предложении для отграничения прямой речи и выполняет функцию средства подчинительной связи в придаточном предложении. В гагаузском языке также

наблюдается данный способ оформления придаточного цели.

Таким образом, как мы видим, в гагаузском языке слово *дейни* сочетается как с конъюнктивными формами, так и с инфинитивом;

5) форма на *-маа/-mäï* в гагаузском языке не может выступать в качестве различных обстоятельств, кроме обстоятельства цели, поскольку рассматриваемый инфинитив не принимает аффиксов падежей и не сочетается с послелогоми.

В современном туркменском языке инфинитив на *-та/-те* рассматривается как усеченный вариант инфинитива на *-мак/-мек*.

Отметим, что данный термин в туркменском языке впервые применил А.Т. Поцелуевский [78, с.62-63].

Форма на *-та/-те* в туркменском языке является названием конкретного действия. По сравнению с инфинитивной формой на *-мак/-мек*, форма на *-та/-те* обладает более номинативной функцией. Нередко наблюдаются переходы некоторых образований с аффиксами на *-та/-те* в разряд существительных: *ярма – пшеничная сечка, крупа; чекме – выдвижной ящик стола* и т.д. [20, с.33].

Рассматриваемая инфинитивная форма в туркменском языке принимает аффиксы принадлежности и падежей. В предложении могут выступать в качестве главного и второстепенного членов.

Обращает на себя внимание следующая особенность формы на *-та/-те* в туркменском языке. Так, в отличие от других тюркских языков огузской группы, рассматриваемая инфинитивная форма в туркменском языке употребляется лишь в положительной форме.

Отрицательного аспекта данная форма не имеет; срав. азерб. *Götürülmemesi* – тот факт, что его не взяли и т.д.

Следует отметить, что аналогичное явление наблюдается и в караимском языке. Инфинитив на –*та/-те* в современном киргизском языке функционирует в фонетическом варианте –*май/-мей/-мой/-мөй* и усеченном варианте на –*ма/-ме*. В киргизском языке форма на *май/-мей/-мой/-мөй* обозначается термином *имя действия*.

Форма на *май/-мей/-мой/-мөй* в киргизском языке передает значение наименования процессов, действий, обладающих оттенком привычности, повторяемости. Рассмотрим примеры: *Таежем баштап баскан турганымдан кыйкым таап андын турмай* – *Во главе с тетей (по матери) все придираются к каждой мелочи и подсматривают за мной* [18, с.318].

Имя действия на *май/-мей/-мой/-мөй* в киргизском языке может принимать аффиксы числа, принадлежности и падежей: *Алардын ашык жемейлери башталды* – *Начались их излишние присвоения*; *Бармайдын келмеейи кыйын, алмайдын бермейи кыйын* (посл.) – *Если пойти, трудно прийти, если взять, трудно отдать* (посл.).

В отличие от тюркских языков огузской группы, в киргизском языке отрицательная форма имени действия на *май/-мей/-мой/-мөй* образуется аналитическим способом посредством модального слова *жок*: *Андай кийин сөзгө алмай жок* – *После этого не обсуждать* и т.д.

В киргизском языке после форма на *май/-мей/-мой/-мөй* может следовать частица *да*, которая придает

предложению оттенок категоричности: *Бир күнү бакашака, үч күнү «кулак мурунду кескендей» тунжурап калмайыбыз да бар – День болтаем без умолку, три дня, хоть убей, безмолвствуем.*

Как мы отмечали выше, данная форма в киргизском языке имеет также усеченный вариант на *-ма/-ме*, который имеет те же значения, что и полная форма на *-май/-мей*. Рассмотрим примеры: *Бурулчанын ачуусу келгенде, булкунуп ээжаа бербей кетме жайы бар – Когда Бурулча сердится, на нее обычно никакие уговоры не действует* и т.д.

Обращает на себя внимание тот факт, что в киргизском языке форма на *-май/-мей/-мой/-мөй* в отличие от других инфинитивных форм, сочетаясь с другими словами, лексикализуется и образует лишь сложные имена существительные (преимущественно названия игр): *аркан тартмай – перетягивание аркана, кыз куумай – догони девушку* и т.д. [18, с. 321].

Большинство тюркологов полагают, что инфинитив на *-та/-те* в тюркских языках произошел от формы *-мак/-мек* вследствие отпадения конечного *к*.

В этой связи примечательно высказывание С.А. Соколова: «Во-первых, на наш взгляд, форма на *-мак* раньше получила в тюркских языках, о чем свидетельствуют материалы древнеписьменных тюркских языков, то есть древнее, чем форма на *-ма*. Во-вторых, в отношении фонетическом естественно предположить, что в форманте *-мак* отпал конечный *-к*, чем думать, что к форманту *-ма* добавился *-к*» [92, с.112].

По-мнению С. Джафарова форма на *-та/-те* не относится к инфинитивным формам, а является лишь аффиксом, образующим отглагольные существитель-

ные. Он также отмечает, что между инфинитивом на –мак и формой на –ма кроме фонетического сходства никаких общих черт нет [130, с. 48-49].

По-мнению Н.А. Баскакова аффикс на –ма/-ме и его фонетические варианты произошли от аффикса на –мак/-мек [5, с. 391-394].

Небезынтересно отметить, что по-мнению Т.М. Гарипова формант на –ма/-ме в древнетюркских письменных памятниках выступал в функции пассивного прилагательного (*barma yıl* - *прошлый год*), а позднее сформировался в качестве аффикса, образующего как прилагательные, так и существительные [17, с.78-81].

М. Гусейнзаде использует два термина (масдар и отглагольное имя существительное).

Форма на –ма/-ме (легкий масдар – *xəfif məsdər*), по-мнению М. Гусейнзаде, образовалась в результате отпадения последнего согласного аффикса на –мак/-мек.

Заслуживает внимания мнение А.Ахундова относительно спорных вопросов, связанных с масдаром. А. Ахундов отмечает 3 вида масдара в азербайджанском языке: –мақ/-тəк, –ма/-тə, –мақлиқ/-тəклик, а формант –мақда/-тəкдə, по его мнению, образовался путем присоединения к инфинитиву на –мақ/-тəк аффикса местного падежа [125, с. 48-51].

Немаловажным также является выявление сущности и этапов исторического развития инфинитива в тюркских языках. Важное значение имеют исследования, посвященные синтаксической характеристике инфинитивных форм, а также изучение этой категории в диалектах и говорах современных тюркских языков. В этой связи заслуживают внимания исследования Р. Ма-

геррамовой и М. Джахангирова, З. Будаговой, Ю. Сеидова, Э. Джавадова.

Инфинитив на –арга²

Касательно этимологии инфинитива на *-арга/-ерге* в тюркологии бутует единая точка зрения, согласно, которой данная форма является сочетанием причастия будущего времени на *-ар/-ер/-ыр* и аффикса дательного падежа *-га/-ге*.

Представляют несомненный интерес наблюдения В.Д. Аракина относительно происхождения категории инфинитива в тюркских языках: «Существовавший в общетюркскую эпоху именной строй языка допускал использование разного рода причастий для выражения процессов, воспринимаемых как временные состояния субъекта, в результате чего причастие будущего времени на *-ыр/-ир* послужило основой для последующего образования форм настоящего времени в одних и форм будущего времени в других. Причастие же будущего времени со значением предстоящего действия или состояния как цели, стало принимать аффикс дат.п. *-га гä*. В результате сложилась форма инфинитива с афф. *-ыруа/-iryä*, существующая в настоящее время в языках Поволжья и в языках Восточной Сибири» [3, с. 489].

Инфинитивная форма на *-арга/-ерге; рга/-рге* (форма на *-арга/-ерге*) в хакасском языке является единственной инфинитивной формой: *тогынарга – работать, ойнирга – играть* и т.д.

В современном хакасском языке форма на *-арга/-ерге* является довольно употребительной формой. Исследуемая инфинитивная форма сочетается с гла-

голами, передающими оттенки волеизъявления, невозможности и т.д. Например: *күстен – стараться, тыхтан – собираться, хын – любить*. Помимо этого, инфинитив на *-арга/-ерге* в данном языке со словами *кирек – надо, чарир – можно, чарабас – нельзя*.

Рассмотрим примеры: *О-о, хызым, аалзар амох парарга чарабас... Ох, дочка, сейчас в деревню ехать нельзя...; Ол позы чыртадыр, мунзурухнан андара сабарга хынадыр – Он обычно сам наказывает, любит кулаком сбивать с ног* [21, с.174].

При самостоятельном употреблении, форма на *-арга/-ерге* может выступать в качестве любого члена предложения (подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства).

Приведем несколько примеров: *Николайга оой полбаан үгренерге нинче-нинче чыл соонан – Николаю нелегко было учиться через несколько лет* (в качестве подлежащего); *Сагаа, партизан полбин, көклө ле ойнап чөрерге – Тебе не партизаном быть, а только в куклы играть* (в качестве сказуемого) и т.д. [21, с. 174-175].

Отрицательная форма инфинитива на *-арга/-ерге* в хакасском языке образуется посредством аффиксов – *басха/-беске; -пасха/-песке; -масха/-меске*.

Как видим, отрицательный аффикс представлен в исследуемом языке тремя фонетическими вариантами: *сатпасха – не продавать, соммасха – не купаться, кирбеске – не входить* и т.д.

Как отмечалось выше, в хакасском языке функционирует лишь одна инфинитивная форма на *-арга/-ерге*. Однако, следует отметить, что в хакасском языке в отдельных случаях причастие будущего времени на *-ар/-ер* с предикативом *кирек – (надо, необходимо)* употреб-

ляется в качестве инфинитива: *идер кирек – надо делать* и т.д.

Показательно, что аналогичный вариант наблюдается и в южном диалекте башкирского языка, в котором причастие будущего времени на *-ыр/-ер, -ар/-эр* со словом *гэрэк* выступает основной формой инфинитива: *барыр гэрэк – надо идти, төнөлөр гэрэк – надо забыть* и т.д.

Подобный случай наблюдается и в тофаларском языке, в котором роль инфинитива также выполняет причастие будущего времени на *-р* в сочетании с модальными словами *һеректиг – нужно, һәрәә йок – не нужно, истиг – должен, следует, изи йок – нельзя, не должно, не следует*.

Рассмотрим несколько примеров: *бис ынаары баар истиг болган бис – мы должны были пойти туда; аьртар һерәә йок болган – не надо было оставаться* и т.д. [81, с.198].

Известный интерес представляют наблюдения К.Г. Ишбаева относительно употребления причастия будущего времени на *-ыр* вместо литературной формы инфинитива на *-ырга* в некоторых говорах башкирского языка. Так, К.Г. Ишбаев отмечает, что: «Если одну из причин такого явления можно увидеть в определенной семантико-синтаксической близости категорий инфинитива и причастия, то другой причиной являются фонетико-грамматические преобразования, возникшие вследствие общей тенденции к устранению слабых звеньев в языковой системе, затрудняющих процесс коммуникации» [37, с. 9].

Следует отметить, что в тофаларском языке в редких случаях встречается форма на *-арга/-ерге*, которая

характерна башкирскому, хакасскому, татарскому, чулымско-тюркскому языкам. Например: *он баарга ынъ-чжаган – он так сделал, чтобы пойти* и т.д.

Форма на *-арга/-ерге* зафиксирована также и чулымско-тюркском языке. В указанном языке исследуемая инфинитивная форма функционирует в двух фонетических вариантах: *-арга/-ӓрга* и *-и:га*. Например: *тутарга – держать, төлига – платить* и т.д.

В татарском языке инфинитив на *-арга/-ӓрге* имеет также фонетические варианты *-рга/-ргә, -ырга/-ергә* (положительный аспект) и *-маска/-мәскә* (отрицательный аспект). Подобно другим тюркским языкам, в которых функционирует форма на *-арга/-ерге*, в татарском языке она также может сочетаться с модальными словами *кирәк – нужно, тиеш – должен, мөмкин – можно*.

Рассмотрим несколько примеров: *мина барырга кирәк – мне нужно идти; сез эшләрге тиеш – вы должны работать* и т.д.

Инфинитив на *-арга/-ерге* в татарском языке может также употребляться независимо. В этом случае исследуемая инфинитивная форма выступает в качестве сказуемого инфинитивного предложения, передающего модальный оттенок. Приведем примеры: *Бер адым артка чигенмәскә! – Ни шагу назад!* [91, с.264].

В современном якутском языке форма на *-арга/-ерге* в отличие от других тюркских языков, в которых функционирует данная форма, имеет фонетические варианты с губными гласными (о,ö): *-арга (-ӓрге, -орго, -өргө)* в положительном аспекте и *-бакка, -бӓккэ, -бокко, бөккө* в отрицательном аспекте. Например: *олорорго –*

олорбокко – садиться – не садиться, барарга – барбакка – идти – не идти и т.д.

Наличие инфинитива на *-арга/-ерге* в центрально-северном говоре казахского языка А. Нурмагамбетов относит к чисто татарскому влиянию.

Рассмотрим несколько примеров: *Ол бул туралы облыстан сұрарга* (вм. лит. *сұрауды*) *үйгарды – Он намеревался спросить об этом из области* [74, с. 76].

Необходимо подчеркнуть, инфинитив на *-арга/-ерге* был зарегистрирован в языке казахов западных областей, а также отмечен в ранних грамматиках казахского языка в конце XIX века.

В современном башкирском языке форма на *-арга/-ерге* имеет следующие фонетические варианты: *-ырга/-ергә, -орга/өргә, -рга/-ргә: барырга – идти, карарга – смотреть* и т.д.

Древние варианты исследуемого аффикса *-урга/-үргә* и *-арга/-әргә* зарегистрированы в исторических документах XVIII в., а также в произведениях башкирских поэтов и писателей XIX в.

Фонетический вариант *-урга/-үргә* в современном башкирском языке совсем не употребляется, а вариант *-арга/-әргә* можно встретить лишь в некоторых говорах указанного языка.

Инфинитиву на *-ырга* в современном башкирском литературном языке характерны категории переходности/непереходности, залога, вида, а также аспекты (положительный и отрицательный), возможности/невозможности.

Отрицательный аспект исследуемой инфинитивной формы образуется посредством аффикса *-маҫка/-мәҫкә: карамаҫка – не смотреть* и т.д.

Примечательно, что в башкирском языке отрицательный аспект инфинитива на *-ырга* образуется также аналитическим способом посредством отрицательного слова *түгел – не*: *барырга түгел – не идти* и т.д.

Однако, отметим, что данный тип отрицательного аспекта формы на *-ырга* в башкирском языке не носит последовательного характера.

Основным значением инфинитива на *-ырга* в башкирском языке является целевое значение. Помимо этого значения, рассматриваемая инфинитивная форма передает также модальные оттенки необходимости, желания, намерения, побуждения, возможности и т.д.

Форма на *-ырга* в исследуемом языке не принимает аффиксов лица, числа, падежей. Подобно татарскому языку, в башкирском языке инфинитив на *-ырга* также имеет зависимое и независимое употребление.

Рассмотрим несколько примеров: *Ул халыктарзы тыныс, татыу йәшәргә өндәй – Он призывает народы жить мирно, дружно* (зависимый инфинитив) [37, с.7]; *Йәшәргә, укырга һәм эшләргә – Жить, учиться и работать* (независимый инфинитив) и т.д.

В современном башкирском языке, как и в других тюркских языках, в которых функционирует исследуемая инфинитивная форма, сочетается с модальным словом *кәрәк – надо, необходимо*, с вспомогательным глаголом *бул – быть*: *барырга кәрәк – надо пойти, барырга булһа – если захочет пойти* и т.д.

В современном ногайском языке имеет фонетические варианты *-арга/-ерге/-рга*. Данная инфинитивная форма не получила широкого распространения.

Форма на *-арга/-ерге* в ногайском языке преимущественно употребляется в поэтической речи. В проза-

ических произведениях рассматриваемая инфинитивная форма употребляется довольно редко.

Рассмотрим примеры: *Куьшсиз бизди мунъайтарга ялгызлык – Одиночество бессильно вогнать нас в тоску* и т.д [19, с. 261].

В карачаево-балкарском языке ИФ на *-арга/-ерге* имеет следующий фонетический вариант: *-ргъа/-рге*.

По-мнению В.И. Филоненко данная форма функционирует лишь в балкарском языке [112, с.54]. Рассматриваемая инфинитивная форма, подобно другим тюркским языкам, где она наблюдается, восходит к основе причастия будущего времени на *-ар/-ыр/-р* + аффикс дательного падежа *-гъа/-ге*: *билирге - узнать, чабаргъа – бегать* и т.д.

Примечательно отметить, что отрицательная форма на *-ргъа/-рге* в карачаево-балкарском языке образуется, в отличие от других тюркских языков, посредством аффикса *-мазгъа/-мегге*. Например, *тилемезге – не просить* и т.д. Следует указать, что отрицательный аспект данной формы в башкирском, татарском, хакасском языках образуется при помощи аффикса *-маска/-мәскә* (башкирский), *-маска/-мәскә* (татарский), *-масха/-меске* (хакасский).

В карачаево-балкарском языке инфинитив на *-ргъа/-рге* не принимает аффиксов лица, числа. Рассматриваемая инфинитивная форма в карачаево-балкарском языке может сочетаться с вопросительной частицей и со сравнительно-уподобительной частицей *-ча*. Сочетаясь со сравнительно-уподобительной частицей *-ча*, форма на *-ргъа/-рге* передает значение с оттенком неуверенности, сомнения. Рассмотрим примеры: *барыр-гъача айтды – он сказал, что будто бы поедет*.

Следует отметить, что в данном значении более употребительно причастие на *-ар/-ыр/-р + -ча*: *барырча айтды – он дал понять, что возможно поедет и т.д.*

Инфинитив на *-ргъа/-рге* в карачаево-балкарском языке выступает в качестве всех членов предложения. Рассмотрим несколько примеров: *Мени муратым окъургъады – Моя цель – учиться* (в качестве именного сказуемого); *тёлерге айтды – обещал уплатить* (в качестве дополнения). В роли определения исследуемая инфинитивная форма встречается довольно редко – *Чага этерге заман джетди – Подошло время полоть* и т.д. [111, с.86].

Основной функцией инфинитива на *-ргъа/-рге* в предложении в карачаево-балкарском языке является роль обстоятельства цели: *окъургъа келгенди – он приехал учиться* и т.д.

Подобно другим тюркским языкам, в карачаево-балкарском языке форма на *-ргъа/-рге* сочетается с предикативным словом *керекди, керек – необходимо, нужно*: *барыргъа керекди – нужно сходить* и т.д.

Обращает на себя внимание особенность формы на *-ргъа/-рге* принимать личные аффиксы при сочетании с предикативным словом *керек*: *барыргъа керексе – ты должен сходить, барыргъа керексиз – вы должны сходить* и т.д.

В некоторых диалектах шорского языка инфинитив на *-арга/-ерге* функционирует в усеченной форме. Так, в кондомском диалекте шорского языка исследуемая инфинитивная форма употребляется без падежного аффикса *-га/-ге*: *көлөр=көлөргө – приходит* и т.д.

ГЛАВА II

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГО- СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ДИАЛЕКТАХ

Имя действия на -у/-ув

Несмотря на наличие специальных исследований, посвященных именным формам тюркского глагола (Ф.А.Ганиев, Д.Г.Тумашева, Ф.М.Хисамова), до сих пор многие проблемы остаются дискуссионными и неизученными. Категории «имя действия», «причастие» понимаются неоднозначно, нечетко определяются их границы, существуют расхождения во мнениях относительно их состава. Вопросы о морфологической природе, грамматическом значении и языковых функциях именных форм требуют более углубленного изучения.

В северных диалектах алтайского языка наблюдаются имена действия с аффиксами на *-мак*, *-уу*, *-(ы)л*, *[-ган, -ар]* [6, с. 48; 7, с. 66; 8, с. 43].

В тюркологических источниках отмечается, что в современном алтайском литературном языке, а также и в его диалектах и говорах, имена действия постепенно теряют свои глагольные признаки и переходят в разряд имен существительных [7, с. 43].

Относительно аффиксов на *-мак*, *-уу*, *-л*, следует отметить, что, посредством данных аффиксов образуются имена существительные путем отглагольной ос-

новы. Имена действия с указанными выше аффиксами полностью перешли в разряд имен существительных. Например: *оймок* – наперсток (от *ой* - проколоть), *кечү* – брод (от *кеч* - перейти (через реку)), *чыдал* – терпение (от *чыда*- терпеть) и т.д.

Эти образования потеряли значение действия и означают только предметы. В этой связи, слова, образованные посредством указанных выше аффиксов, в грамматиках по алтайскому языку рассматриваются в разделе именного словообразования.

Формы же *-ган* и *-ар* образуют словоформы, которые способны обозначать не только опредмеченное действие, но и признак действия.

Форма на *-ув* является одной из древних имен действия в тюркских языках.

В этой связи показательно высказывание Н.А. Баскакова: «Аффикс *-ув/-юв* в (отрицательной форме – *мав/-мев*), генетически восходящий к более древним формам того же аффикса *-игь/-иг*, *-угь/-юг*, *-гьы/-ги*, *-гьу/-гю*, который так же сохранился в каракалпакском языке в значение имени действия, но с другим семантическим оттенком» [5, с. 416-417].

В большинстве тюркских языков, в которых функционирует данная форма, она выступает под термином «имена действия» «глагольное имя».

По этому поводу известный интерес представляет высказывание Д.Г. Тумашевой: «Так как глагольное имя на *-у/-ү* чаще всего выражает процесс действия и является нейтральным во временном отношении, его называют в тюркских языках именем действия, неопределенно-именной формой глагола, именем существительным со значением акта, процесса действия или его

результата и т.д. Дело, однако, не только в терминах; по-видимому, в различных тюркских языках данная форма в разной степени выражает глагольные и именные свойства, что зависит от всей системы глагольно-именных форм того или иного языка» [106, с. 83].

В современном узбекском языке форма на *-ув* относится к продуктивным формам. Наибольшее распространение рассматриваемая инфинитивная форма получила в джекающих говорах узбекского языка.

Имя действия на *-ув* является весьма древней формой в тюркских языках. В тюркологии фонетическое развитие форма на *-ув* представлено следующим образом: *-(у)в < -гу (-гу) < -иг (-иг)*.

В письменных памятниках староузбекского языка наиболее употребительна форма на *-гу/-гу*. Однако, несмотря на то, что приведенные выше формы исторически являлись фонетическими вариантами одно и того аффикса, формы на *-(у)в* и *-гу(-гу)* в современном узбекском языке функционируют в настоящее время в качестве самостоятельных аффиксов и выполняют присущие себе функции.

В «Диване» Махмуда Кашгарского зарегистрированы случаи употребления формы на *-гу (-гу)*: *тургу ер* [Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат Турк, с. 71].

Имя действия на *-ув* в узбекском языке образуется от различных глагольных основ: *келув – приход* и т.д. Данная форма в основном обозначает процесс действия или состояния, а также является названием действия, определенного занятия.

Некоторые слова с аффиксом на *-ув* перешли в разряд имен существительных: *сайлов – выборы, тин-*

тув – обыск, *егов* – напильник, *қишлов* – зимов-ка, *улов* – вьючное животное, *қиров* – иней и т.д.

Примечательно отметить, что форма на *-ув* в современном узбекском языке наиболее часто употребляется с аффиксами *-чи*, *-ли* (*-лик*), *-сиз*, *-чан*. Формы, образованные посредством аффиксов *-ув+чи* указывает на деятеля действия или состояния, например: *айтувчи* – спикер, *бошловчи* – начинающий, *новичок* и т.д.

Большинство слов на *-ув+чи* передают названия профессий, остальные же выступают в роли терминов, обозначающих определенные понятия той или иной отрасли наук. Например: *ёзувчи* – писатель, *аниқловчи* – детерминант, *определитель*, *судралувчи* и т.д.

Форма на *-ув+чи*, сочетаясь с аффиксами на *-лик*, передает значение отвлеченного названия определенной профессии или общественного статуса: *бошқарувчилик* – должность управляющего, *ёзувчилик* – писательство и т.д.

Обращает на себя внимание следующая особенность формы на *-ув+чи+лик*. Так, выступая в качестве имени существительного, рассматриваемая форма принимает аффикс отрицания на *-ма*. Следует также отметить, что некоторые из этих слов употребляются лишь в отрицательном аспекте, например: *етишимовчилик* – нехватка, *англашилмовчилик* – недоразумение и т.д.

Отметим, что посредством аффикса на *-ув* образуются однородные парные сочетания, но данное явление не носит последовательного характера: *ёзув* – *чизув* – *писанина* и т.д.

В свете сказанного можно прийти к выводам, что форма на *-ув* в современном узбекском языке образуется от всех глагольных основ, обозначает названия про-

цесса действия или состояния, способна принимать словообразующие аффиксы и сочетаться с различными модальными словами.

Как мы видим, в имени действия на *-ув* в узбекском языке преобладают именные свойства.

Все это наводит на мысль, что в узбекском языке не инфинитивные формы обладают именными свойствами, а имена действия имеют признаки, свойственные инфинитиву.

Исходя из этого, узбекские грамматики наиболее целесообразным считают употребление вместо термина «инфинитив» термин «имена действия или состояния».

На наш взгляд, не представляется возможным считать категорию инфинитива в узбекском языке сформированной.

Наиболее показательным на этот высказывание Ф. Исхакова: «Изучение основных грамматических свойств исследуемых форм приводит нас к сомнению в существовании в узбекском языке морфологически оформленной категории инфинитива» [35, с.5].

В киргизском языке применительно к категории инфинитива преимущественно использовался термин «имена действия». Причина использования данного термина объясняется Б. Тойчубековой следующим образом: «...термины «инфинитив» и «отглагольные имена» по тому значению, которое они имеют в грамматике, не раскрывают ни семантической, ни морфологической сущности названных форм» [105, с.4].

Форма на *-ув* в тюркских языках имеет различный фонетический состав. Так, в отличие от выше рассмотренного узбекского языка, в киргизском языке данная форма имеет фонетический вариант *-уу//-оо*.

По мнению некоторых тюркологов, в киргизском языке исследуемый аффикс, функционирующий в форме долгого гласного *-уу//-оо* развивался из дифтонга, имеющего место в диалектах [9, с. 44; 121, с. 12; 122, с. 28-33].

Подобно узбекскому языку имена действия на *-уу//-оо* образуются от различных основ глагола: *саноо – считать, жазып салуу – написать* и т.д.

Отрицательный аспект формы на *-уу//-оо* образуется двумя способами: синтаксическим, т.е. при помощи отрицательного аффикса *-ба* и аналитическим – посредством отрицательных слов *эмес* или *жок*.

В киргизском языке форма на *-уу//-оо* сочетается с такими словообразовательными аффиксами как *-чы, -чы+-лык, -сыз*. Посредством аффикса *-чы* в сочетании с формой на *-уу//-оо* образуются имена существительные: *жазуучу – писатель, кемируүүчүлөр – грызуны* и т.д.

Конструкция *-уу+-чы* сочетаясь с аффиксом *-лык*, образует абстрактные слова: *келишүүчүлүк – соглашательство* и т.д.

Форма на *-уу//-оо* в киргизском языке, принимая аффиксы принадлежности, может сочетаться с модальными словами, послелогоми, вспомогательными словами и частицами. Например: *баруум мүмкүн – моя поездка возможна, келүүсү алдында – перед его приходом* и т.д.

Следует подчеркнуть, что исследуемая форма в отличие от других форм имен действия киргизского языка принимает все падежные аффиксы. Так, имена действия на *-мак, -май* в указанном языке в редких случаях употребляются в склоняемом виде, а принимая аффиксы родительного падежа встречаются в некото-

рых пословицах и поговорка. Например: *Бармайдын келмейи кыйын – Пойдешь – трудно возвратиться* и т.д.

Примечательно отметить, что форма на *-уу//-оо*, а также остальные имена действия в киргизском языке в основном сочетаются с аффиксами дательного падежа. Рассмотрим примеры: *өнөрүндү көрмөккө (көрүүгө, көрүшкө) куштар болуп турабыз – Мы собрались, чтобы увидеть твоё искусство* и т.д. [105, с. 18].

Обращает на себя внимание следующая особенность формы на *-уу//-оо* в сочетании с аффиксами дательного падежа. Так, форма на *-уу//-оо* принимая аффиксы дательного падежа, в отличие от других имен действия киргизского языка, может сочетаться с такими модальными словами, как *керек экен – должен, мүмкүн бекен – возможно*, а также с послелогоми и частицами *чейин – до, пока, да – и* и т.д.

Приведем несколько примеров: *барууга мүмкүн – есть возможность пойти, айтууга керек эле – нужно было бы сказать* и т.д.

Относительно степени продуктивности формы на *-уу//-оо* в киргизском языке можно отметить, что данная форма в указанном языке, в отличие от современного узбекского языка наиболее продуктивна.

В свете сказанного мы приходим к такому выводу, что форма на *-уу//-оо* сочетаясь именно с аффиксами дательного падежа, в большей степени соответствует категории инфинитива в других тюркских языках: *жазууга болбойт – нельзя писать* и т.д.

Относительно синтаксической функции формы на *-уу//-оо* в киргизском языке следует отметить, что она может выступать в качестве любого члена предложе-

ния: *Эгин айдоо – байлык айдоо (поговорка) – Посев зерновых – посев богатств* (в роли сказуемого); *Эрк талашкан элди мээлеп ок атууну каалабайм!* – *Не хочу стрелять в народ, борющийся за свободу* (в роли дополнения) [105, с. 28].

В диалектах и говорах алтайского языка, как и в алтайском литературном языке имена действия не находят широкого употребления. Эти формы в некоторых диалектах алтайского языка изолированы от глагольной системы.

В большинстве случаев данные формы выступают в качестве отглагольных имен, утративших способность управлять падежами. Приведем несколько примеров: *садуу – саду – торговля, үлүү – деление, доля* и т.д.

В современном каракалпакском языке инфинитивы употребляются под термином «имена действия».

Форма на *-ув* в рассматриваемом языке имеет фонетические варианты на *-ыў, -иў, -ў*: *алыў – взять, караў – смотреть* и т.д.

Подобно киргизскому языку, в каракалпакском языке относится к наиболее продуктивным аффиксам и образуется от любых глагольных основ.

Имена действия на *-ыў, -иў, -ў* в каракалпакском языке принимают аффиксы числа, принадлежности, падежей. Отметим, что принимая аффиксы принадлежности, данная форма преимущественно употребляется с модальными формами *керек, тийис, лазым – нужно, необходимо и т.д.*, а также с такими послелогомами, как *бойынша, хаккында, ушын*, например: *браыўм керек (тийис, лазым) – я должен поехать* и т.д.

В отличие от других тюркских языков, в каракалпакском языке имя действия на *-ыў, -иў, -ў* выступает в качестве инфинитива.

Как мы отмечали выше, имена действия на *-ыў, -иў, -ў* в каракалпакском языке активно употребляются с падежными аффиксами. Сочетаясь с аффиксами именительного падежа, исследуемые формы довольно часто употребляются с модальными словами *керек, мүмкин – нужно* и т.д. Например: *барыў керек – нужно идти* и т.д.

Процесс, цель, состояние и направление действия имена действия на *-ыў, -иў, -ў* в каракалпакском языке обозначают при сочетании с аффиксами дательного-направительного падежа. Например: *сөйлесиўге кетти – он ушел, чтобы рассказать* и т.д.

Данная конструкция синонимична словосочетаниям с именами действия в именительном падеже, которые сочетаются с послелогом *ушын – для*: срав. *сөйлесиўге кетти и сөйлесиў ушын кетти – он ушел, чтобы рассказать*.

Однако следует подчеркнуть, что значение, выраженное именем действия на *-ыў, -иў, -ў* в дательного-направительном падеже неотчетливо прослеживается, тогда как в именительном падеже данная форма конкретно передает целевое значение.

Обращает на себя внимание следующая особенность имен действия на *-ыў, -иў, -ў* в местном падеже.

Так, принимая аффиксы местного падежа, рассматриваемая форма выполняет функцию сказуемого в предложении и передает значение продолжительного настоящего времени глагола. Рассмотрим примеры: *Колхоздагы жаслар арасында динге карсы пропаганда*

жумыслары да күшейтилиўде – Среди молодежи колхоза усиливается антирелигиозная работа [48, с.20].

Имя действия на -у/-ув в языке сибирских татар употребляется в фонетическом варианте -у/-ү. Данная форма в указанном языке принимает аффиксы принадлежности и падежей, например: *Мини мысқыл итүнін өстөнтә – Она превзошла все в оскорблении меня* и т.д.

В большинстве своем форма на -у/-ү в языке сибирских татар рассматривается в качестве глагольного имени. Однако в отдельных случаях рассматриваемая форма семантически приближается к инфинитиву.

Оттенок инфинитивного значения отчетливее прослеживается в случае сочетания данной формы с аффиксами дательного – направительного падежа или с модальными словами *кирәк, тейиш – нужно, необходимо*. Рассмотрим примеры: *Плотникларыбыс игинци йәргә ишләүгә гиткән – Наши плотники ушли работать в другое место; Ыссыу, күгәлләрні интирү гәрәк – Жарко, надо спустить уток (на озеро)* и т.д. [106, с. 82-83].

Аналогичное явление распространяется и на современный башкирский язык, в котором форма на -ы/-ү выступает в качестве инфинитива лишь в сочетании с такими модальными словами, как *кәрәк – надо, необходимо, тейеш – должно, мөмкин – можно, возможно, ярай – можно* и т.д.

Форма на -у/-ув в диалекте западносибирских татар имеет следующие фонетические варианты: -оу/өү, -ыу/-еү, -у/-ү. Обращает на себя внимание следующая особенность данного диалекта. Так, в диалекте западносибирских татар исследуемое имя действия сочетается с аффиксом *әрәк*. Например: диал. *кәйлә короүәрәк – совр. татар. яз – хәйлә кырырга кирәк – надо хитрить,*

укып йөрөүэрәк – совр. татар. яз. – *укып йөрергә кирәк*
- надо заниматься и т.д.

Следует отметить, что в научных работах по диалекту западносибирских татар аффикс *эрәк*, имеющий место в конце слов с формой на *-оу/өү*, *-ыу/-еү*, *-у/-ү* не получил должное исчерпывающее освещение.

На наш взгляд, указанный аффикс, является вовсе не аффиксом, а редуцированной формой слова *кирәк*, который утратил начальный согласный при присоединении к инфинитивной форме на *-оу/өү*, *-ыу/-еү*, *-у/-ү*.

В восточном диалекте башкирского языка имя действия на *-оу/өү*, *-ыу/-еү*, *-у/-ү* относится к весьма употребительным формам. Данная форма в большинстве своем передает целевое значение, сочетается с модальными словами *кәрәк* - *нужно*, *тейеш* – *должно* и принимает аффиксы дательного-направительного падежа.

Приведем для наглядности несколько примеров: *Самсиһанды бороп керетеү кәрәк, һөйзәһен* – *Нужно вернуть Самсихана, пусть расскажет; һөйзәшеүгә китте* – *пошел беседовать* и т.д. [49, с.140, 197]: срав. направительный падеж *-ча*, *-че* в тувинском и шорском языках: тув. *кетҗе* - *к реке* [142, с. 78].

В ногайском языке подобно некоторым тюркским языкам, форма на *-ув/-уьв*, *-в* обладает как именными, так и глагольными свойствами. Отметим, что в данной форме в основном преобладают именныи свойства. Форма на *-ув/-уьв*, *-в* принимает аффиксы числа, падежей и принадлежности: *ушув* – *полет*, *ушувга* – *полету*, *ушувынь* *твой полет* и т.д.

Имена действия на *-ув/-уьв*, *-в* утратив глагольные свойства, перешли в разряд имен существительных: *сайлав* – *выборы*, *выбиратъ*, *окув* – *учеба*, *учитъся*.

Отметим, что рассматриваемые формы в ногайском языке сочетаясь с аффиксом *-шы/-ши*, образуют производные имена существительные – *окувши* – *ученик*, *язувшы* – *писатель* и т.д. Аналогичное явление распространяется и на узбекский, киргизский и др. языки.

Отрицательный аспект форм на *-ув/-увь*, *-в* образуется, подобно глаголам ногайского и других тюркских языков, посредством отрицательного аффикса *-ма/-ме*: *бармав* – *не ходить куда-либо* и т.д.

Известный интерес представляет рассмотрение формы на *-у/-ыу/-уу/-иу/-юу* в карачаево-балкарском языке. Так, в карачаево-балкарском языке понятия «имена действия» отграничены от понятий «инфинитивы» и «причастия». Если в некоторых других тюркских языках «имена действия» и «инфинитивы» выступали синонимическими терминами одной глагольной формы, то в карачаево-балкарском языке «имена действия» рассматриваются как отдельная от них глагольная форма.

В этой связи показательно высказывание И.Х. Урусбиева: «Имена действия в карачаево-балкарском языке четко отграничены, с одной стороны, от причастия, с другой – от инфинитива, как своим содержанием, так и своей морфологической структурой. Например, *джазыу* «писание», а не «писание» и «писать»» [111, с. 82].

Форма на *-у/-ыу/-уу/-иу/-юу* в карачаево-балкарском языке не относится к инфинитивным формам и не выражают действия, а являются только его названиями. Большинство имен действия, образованные посредством данного аффикса, утратив основные гла-

гольные свойства, перешли в разряд имен существительных: *чѣплеу – подсолнух, тиреу – подпорка, атыу – стрельба, толуу – наполнение, суюю* и т.д.

В современном татарском языке, подобно карачаево-балкарскому языку, имена действия в системе инфинитивных форм стоят особняком. Однако, имя действия на -у/-ү в татарском языке, в отличие от формы -у/-ыу/-уу/-иу/-юу в карачаево-балкарском языке, не полностью утратило глагольные свойства.

Рассмотрим примеры: *Бер як кулларын бутый-бутый көрәштерүне, икенче як көрәштермәүне куәтләде – Одна группа людей, размахивая руками, настаивала на том, чтобы заставить их бороться, другая – на том, чтобы не делать этого* и т.д. [91, с. 262].

Некоторые слова, образованные посредством аффикса -у/-ү полностью перешли в разряд имен существительных: *соруу – вопрос, буяу – краска, уку – учеба* и т.д.

Примечательно также отметить, что в современном татарском языке встречается ряд прилагательных, омонимичных с рассматриваемой формой на -у/-ү: *кызу эш – горячая работа – кызу – горячиться, житү кыз – девушка, достигшая совершеннолетия – житү – достигать* и т.д.

Несмотря на то, что в некоторых тюркских языках и их диалектах «имена действия» и «инфинитивы» выступали синонимическими терминами одной глагольной формы, на наш взгляд, имена действия необходимо отграничивать от инфинитивов и рассматривать в качестве отдельной глагольной формы.

Имя действия на *-иш*⁴

Имя действия на *-ыш*, как справедливо отмечает С.А. Соколов, «...является весьма древней формой. В памятниках Бильге-кагану и Кюль-Тегину эта форма встречается в четырех примерах: *уруш* от *ур* – *бить*, *ударять*... В древних памятниках уйгурской письменности также встречается эта форма: *ilis*- «прицепление» от «прицеплять», *alqus* – «благословление» с «с» вместо «ш» на конце, что... характерно для древних тюркских памятников, - в сутре «Золотой блеск»; *bilis* – «знакомство, знакомый», - в Кутадгу-Билиг, венская рукопись и т.д.» [92, с. 88].

В современном алтайском языке в качестве имени действия выступает только форма с показателями *-ыш*, *-иш*, *-уш*, *-ўш*, *-ш*.: *Бу улустын келижи качан токтоор?* (Б. Укачин. Туулар туулар ла бойы артар, с.16).

Доказательством того, что эти образования с *-(u)ш* являются именами действия является передаваемое ими значение процессуальности.

Однако, несмотря на это в алтайском языке, подобно другим тюркским языкам, имеют место случаи лексикализации этой формы. Например, такие слова, как *ўлеш* 'доля', *согуш* - 'драка'; *болуш* - 'помощь', *о́чбш* - 'упрямый' полностью перешли в разряд имен существительных или прилагательных.

В современных тюркских языках имя действия на *-(u)ш* особенно продуктивно в уйгурском, узбекском и туркменском [10, с. 51-76; 500, с. 44], а также в кыргызском языках [105]. В каракалпакском и казахском

языках по сравнению с формами на -у, -мак менее употребительна [48, с. 245].

Имя действия *-(u)ш* в алтайском языке образуется почти от любой глагольной основы. Данная форма принимает в алтайском языке аффиксы принадлежности, а также сочетается с послелогогами: *Тарыктын жүрегинин типилдежи тыный берди* - Биение сердца Тарыка участилось (Иван Шодоев. Кызаланду жылдар, с.10).

Необходимо отметить, что имена действия с абстрактным значением, как правило, редко употребляются во множественном числе, т.к. в самой форме *-иш* имеется оттенок множества и многократности действия: *адыш* 'стрельба', *жүгүрүш* - беготня и т.д.

При наращении именем действия *-(u)ш* аффиксов принадлежности появляется возможность указать субъект действия, которому принадлежит «опредмеченное» действие. В этом случае средствами, служащими для выражения принадлежности, помимо аффиксов принадлежности могут быть и имена существительные или личные местоимения: *Колхозтын жаандары менин белетенижимди шиндеп көрөргө келип жат* - Колхозные начальники приезжают, чтобы исследовать мою подготовку (Иван Шодоев. Кызаланду жылдар, с.19).

Наиболее употребительно использование имени действия *-(u)ш* в дательном, винительном, местном, родительном и исходном падежах: *Эртегизинде Амыр-Санаа черүлер төзөн, Ургу жаар барарга белетеништи баштаган; Танма адар таскаданышта Жанар бүгүн де аткырын көргүсти* – В тренировках в стрельбе по мишеням Дянар и сегодня показал свою меткость; *Ол чыбыкташтан улам Окраш айга чыгара оору жаткан эмей* - Ведь из-за того избиения (розгами) Окраш про-

лежал больным около месяца (Иван Шодоев. Кызаланду жылдар, с. 6, 89, 132).

При использовании имени действия *-(u)ш* в исходном падеже отмечается регулярное его взаимодействие с послелогом «улам», управляющим этим падежом.

Одной из важных особенностей алтайского имени действия с показателем *-(u)ш* является то, что оно не имеет отрицательной формы, т.е. не обладает категорией статуса. Значение отрицания выражается аналитическим путём, посредством отрицательного слова «жок»: *Жайым отурыш жок – Спокойного посижыванья нет* (Иван Шодоев. Кызаланду жылдар, с.100).

Данные конструкции указывают на невозможность или отсутствие необходимости совершения действия. В этом случае форма на *-(u)ш* употребляется в основном падеже, оформляясь иногда аффиксами принадлежности. Значение лица при этом приобретает обобщающий характер.

Следует отметить, что одной из особенностей имени действия *-(u)ш* в алтайском языке является и то, что оно может иногда взаимодействовать с залогами: *Качан албатыда ак санаалу, кижиге жалакай, килемкей. жаан ийдекүчтү ле ойгор көгүстү батыр бүтсе, ол тушта жуучак, кан төгүлиш, кырылыш, түрөш жоголор – Когда в народе появится герой, с чистыми помыслами, добрый к людям, могущественный и духовно богатый, тогда исчезнуть войны-бедствия, проливание крови (кровапролития), уничтожения, бедность; Агалуийинилүнин андый таскадыныжын Немеке тууразынан көрүп турды – Немеке рассматривал со стороны та-*

кую тренировку над собой старшего и младшего братьев (Иван Шодоев. Кызаланду жылдар, с. 56-63).

Функционированию имени действия *-(u)ш* с показателями отрицания и активному взаимодействию с залоговыми формами препятствует, по-видимому, высокая активность в алтайском языке конкурирующих с ним субстантивно-адъективных форм с показателями *-ган*, *-ар*, *-атан*, которые могут употребляться как в отрицательной, так и в залоговых формах.

Так, показатель имени действия *-(u)ш* может быть заменен субстантивно-адъективными формами *-ган* и *-ар*. Однако следует заметить, что разница между этими предложениями все же имеется. В предложениях с субстантивно-адъективными формами появляется временной оттенок действия. Например, оттенок прошедшего и будущего времени.

Имя же действия *-(u)ш* не имеет собственного временного значения, т.е. оно индифферентно к временным характеристикам передаваемых им действий [50, с. 43; 123, с. 283]

Имя действия *-(u)ш* также может выполнять функцию и определяемого, и определения, а также подлежащего и сказуемого.

Таким образом, можно предположить, что именем действия в алтайском языке является форма *-(u)ш*. Свидетельством того, что имя действия *-(u)ш* является продуктом не словообразовательных, а словоизменительных операций является то обстоятельство, что эти образования возможны практически от каждого глагола. Такие критерии, как сема процессуальности, способность принимать глагольное падежное оформление, взаимодействие с категорией залога позволяют предпо-

ложить, что это - не существительное, а имя действия. Имя действия *-(u)ш* в алтайском языке представляет собой глагольную форму, которая передаёт действие в образе предмета и не имеет временной семы. Данное действие – это не абсолютное действие, а действие опредмеченное.

В староузбекском языке форма на *-иш* зарегистрирована в основном в текстах, в которых наблюдаются следы кыпчакского влияния. Данная форма в староузбекском языке является малоупотребительной. Рассмотрим примеры:

Көрүп ол качийиң – видя бегство людей; аларниң кэлишиңи көрдүм – я видел их приход; кэлиши – его приход; уруш – сражение и т.д. [119, с.143].

Имя действия на *-ш, -ыш, -еш* в современном татарском языке встречается редко: *сөйләш – разговор, кайтыш – возвращение* и т.д. Как видим, слова, оформленные аффиксом на *-ыш* в татарском языке главным образом выступают в качестве отглагольного имени существительного.

В туркменском языке форма на *-ыш/-иш/-уш/-үш/-иш (-йыш/-йиш)* является наиболее употребительной по сравнению с другими формами имен действия.

Слова, образованные посредством данного аффикса, обозначают название процесса действия. Имена действия на *-ыш* не выражают временного оттенка и может употребляться как в настоящем, так и в прошедшем и будущем временах. Рассмотрим примеры: *окайыш – чтение, йылгырыш – улыбка; Олар ишлерини ташлап, галандарын газал окайышына ген галып серетдилер – Они, приостановив работу, с удивлением слу-*

шали чтение странником стихов (Сейтэков Б. Доганлар) и т.д.

Отрицательный аспект рассматриваемой формы образуется посредством присоединения к глагольной основе отрицательной частицы на *-ма/-ме*: *Бу гызын хич вагт тертиби бозмайшы мугаллымын гөвнүни гөтерйәрди* – *Настроение учителя поднимать дисциплинированность этой девушки* [20, с. 335-336].

Обращает на себя следующая особенность формы на *-ыш* в туркменском языке. Так, рассматриваемая форма не сочетается со словами *герек* – *нужно, ислемек* – *хотеть, мүмкин* – *можно, возможно* и т.д. Форма на *-ыш* в указанном языке принимает аффиксы принадлежности (*окайышым* – *мое чтение, окайышы* – *его чтение*), падежей (*окайышымда* мест.п. – *в моем чтении, окайышыма* дат.п. – *моему чтению*). Помимо именных признаков, рассматриваемая форма сочетает в себе и глагольные признаки (залог, аспект (положительный и отрицательный)).

Имя действия на *-ыш* в современном туркменском языке в отдельных случаях сочетается с частицей *-ай/-эй, -да/-дә*. Сочетаясь с этой частицей, данная форма передает оттенок удивления. Отметим, что частица *-ай/-эй* следует до аффикса на *-ыш*. Например: *Бай, онун жайтарылып гачайшыны!* – *Ох, какое у него игривое беганье!* и т.д. (Б.Кербабаев, Решающий шаг, с. 56)

В каракалпакском языке форма на *-ыш* имеет следующий фонетический вариант: *-ыс/-ис, -с*. Подобно другим тюркским языкам, в каракалпакском языке рассматриваемая форма также имеет нейтральный временной оттенок: *джюрис* – *хождение, ходьба, билис* – *знание* и т.д.

Имя действия на –ганлык²

В современном татарском языке помимо первичных, функционируют также вторичные имена действия. Вторичные имена действия образуются от всех причастных форм на *-ган/-гән*.

Семантически вторичные имена действия совпадают с первичными. Однако, в отличие от первичных имен действий, вторичные имеют временной оттенок, относящийся к прошлому.

Вторичные имена действия на *-ганлык/-гәнлек* в татарском языке характеризуются как глагольными (аспект - *килмәгәнлек – не приход*, залогом – *бизән-гәнлек - прихорашивание*), так и именными признаками (категория падежа, числа и принадлежности): *Ул моны эшләргә ярамаганлыгын анлый иде – Он понимал, что этого нельзя делать* и т.д. [95, с.235].

Имя действия на *-ганлык/-гәнлек* (*-канлык/-кәнлек*), будучи функционально-семантической формой глагола, в современном татарском языке образуется «от причастной формы *-ган/-гән* (*-кан/-кән*) и словообразовательного аффикса *-лык/-лек*»: *барганлык "поездка"*, *киләнлек "приезд"* [95, с. 299].

Н.А. Баскаков называет эти формы вторичным именем действия [5, с. 422-423]. Данной точки зрения придерживается также и К.М. Мелиев [54, с. 206].

Данный аффикс в татарском языке выполняет двоякую функцию: с одной стороны, она функционирует как формообразующий аффикс, а с другой – как словообразующий.

Сфера употребления глагольных форм на *-ганлык/-гәнлек* в тюркских языках, в которых функционирует данная форма, различается. Рассматриваемая форма наиболее употребительна в каракалпакском [5, с. 422-423], уйгурском [12, с. 206], кумыкском [14, с. 322] языках.

В татарском языке форма на *-ганлык/-гәнлек* отличается многофункциональностью, сочетает в себе грамматические признаки имен существительных и глагола.

Как отмечает Н.Э. Гаджихаев, в кумыкском языкознании эта форма представляет собой совокупность форм, объединяемых общим значением «опредмеченного» действия, т.е. действия, окказионально представляемого как предмет [14, с. 322].

Данная форма репрезентирует «опредмеченные» процессы, при этом в них сохраняется временное значение, присущее формам на *-у/-ү*: предшествование, а также одновременность к временному плану сказуемого.

Таким образом, имена действия *ганлык/-гәнлек* в татарском языке указывают на действие, совершенное в прошлом. Иначе говоря, если говорящему необходимо подчеркнуть оттенок прошедшего времени, то он использует в своей речи формы на *-ганлык/-гәнлек*.

Форма на *-ганлык/-гәнлек* значительно уступает по степени употребляемости показателю *-у/-ү*. В некоторых случаях форма *-ганлык/-гәнлек* легко переходит в форму на *-у/-ү*.

Несмотря на то, что рассматриваемая форма выступает в качестве всех членов предложения, в совре-

менном татарском языке употребляется довольно редко.

Следует отметить, что вторичные имена действия в каракалпакском языке, в отличие от татарского языка, передают значение не только прошедшего (-*гъанлыкъ/-генлик*), но и настоящего-будущего (-*а/-е*, -*й+тугъун* +*лыкъ* и будущего (-*арлык/-ерлик*; -*маслык/-меслик*) времен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Тюркские языки имеют довольно развитую систему неличных форм глагола, в которой кроме деепричастий и причастий сформировались и инфинитивы. Инфинитивы, будучи гибридными формами, совмещают в себе именные и глагольные свойства. Среди тюркских инфинитивов имеют место формы, занимающие «промежуточное» положение на этапе формирования, которые до сих пор ещё не перешли в ту или иную категорию неличных форм глагола. К таковым относится, например, относится формы на *-ыш (-iş)*, *-ув (-uv)*.
2. Инфинитивные формы в тюркских языках характеризуется наличием различных и своеобразных семантико-морфологических особенностей. Отличительные особенности этих форм наблюдаются не только в их семантико-морфологических, но и в фонетических признаках, а также в более активном или пассивном употреблении исследуемых инфинитивных форм.
3. Несмотря на то, что в некоторых тюркских языках и их диалектах «имена действия» и «инфинитивы» выступали синонимическими терминами одной глагольной формы, на наш взгляд, имена действия необходимо отграни-

- чивать от инфинитивов и рассматривать в качестве отдельной глагольной формы.
4. В тюркских языках инфинитивы функционируют с неодинаковой активностью. Иначе говоря, в одних тюркских языках та или иная инфинитивная форма является единственной формой и распространена довольно широко, в остальных тюркских языках в качестве инфинитива выступают другие формы. К примеру, в азербайджанском языке в качестве инфинитива обычно рассматривают лишь инфинитивную форму на *-мак/-мек*. Формы на *-ыш*, *-ма/-ме*, *-у(в)*, *арга*, *-ерге*, *-ырга*, *-ирге* в тюркских языках кыпчакской и карлукской групп выступают в различных фонетических вариантах в качестве инфинитива и имён действия.
 5. К именным признакам инфинитивов относится сочетание с аффиксами падежей, принадлежности, множественного числа, а также с послелогами и модальными словами. Инфинитивы, как видим, ближе к именам, поскольку именные признаки в них превалируют над глагольными.
 6. Первичные имена действия (*-ыш(-иш)*, *-ув(-ив)*) в тюркских языках в основном не имеют временной категории. Вторичные имена действия (в кыпчакских и карлукских группах тюркских языков *-ганлык (-qanlıq)*) имеют временной оттенок тех причастных форм, от которых они произошли.
 7. В современных тюркских языках кыпчакской и карлукской групп вторичные имена действия

употребляются обычно в книжном стиле. Имена действия *-ыш*, *-ув* в тюркских языках весьма часто участвуют при словообразовании.

8. В отличие от других тюркских языков, в каракалпакском языке имя действия на *-ыў*, *-иў*, *-ў* выступает в качестве инфинитива.
9. В некоторых тюркских языках инфинитивы не имеют отрицательного аспекта (например, в кумыкском языке форма на *-макъ* не имеет отрицательной формы).

Список использованной литературы

На русском языке

1. Алиев В.Г. Неспрягаемые формы глагола в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1989, 57 с.
2. Алисултанова Д.М., Абдурахманова П.Д. Глагольные особенности имен действия в кумыкском языке // *Современные проблемы науки и образования*, 2012, № 6, с.1-5
3. Аракин В.Д. Инфинитив // *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология*, 1988, с.483-490
4. Ахметов М.А. Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку // *Советская тюркология*, 1974, №3, с.39-51
5. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология: в 2-х т. Т.2, ч.1, М.: Издательство АН СССР, 1952, 543 с.
6. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). М.: Наука, 1966, 173 с.
7. Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М.: Наука, 1972, 283 с.
8. Баскаков Н.А. Диалекты лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М.: Наука, 1985, 233 с.

9. Батманов И.А. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе: Издательство Академии Наук Киргизской ССР, 1946, 63 с.
10. Благова Г.Ф. Имена действия в тюркских языках среднеазиатского региона (опыт ареально-типологического сравнительного изучения) // Тюркологические исследования, 1976, с.51–76
11. Боржаков А. Имена действия на *-мак*, *-мэк* в туркменском языке // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1979, № 5, с.23-31
12. Боровков А. Учебник уйгурского языка. Л.: Восточный институт, 1935, 248 с.
13. Борукулова Г.Ш. Изучение глагольного инфинитива в сопоставительном (германо-тюркском) языкознании // Вестник КазНУ. Серия филологическая, 2014, №3(149), с.86-90
14. Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000, 360 с.
15. Гаджихмедов Н.Э., Мурзаева Д.М. Функционально-семантическая характеристика имени действия *-ыв* в кумыкском языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2014, вып. 11, с.15-21
16. Гаджихмедов Н.Э., Мурзаева Д.М. Функционально-семантические особенности имени действия на *-ыш* в современном кумыкском языке // Вестник Дагестанского Государственного уни-

- верситета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2015, №3, с.151-155
17. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. Уфа: БФ АН СССР, 1959, 224 с.
 18. Грамматика киргизского литературного языка. Фонетика и морфология / Под ред. Э.Абдулдаева. Фрунзе: Илим, 1987, 402 с.
 19. Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология / Под ред. Н.А. Баскакова: в 2-х ч. Ч.1, Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Став-ропольского книжного издательства, 1973, 320 с.
 20. Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология / Под ред. Н.А. Баскакова: в 2-х ч. Ч.1, Ашхабад: Наука, 1970, 503 с.
 21. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А. Баскакова. М.: Наука, 1975, 418 с.
 22. Грунина Л.А. Инфинитив и его употребление в гагаузском языке // Тюркологические исследования, 1976, с.18-26
 23. Гузев В.Г. О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами, в современном турецком языке // Советская тюркология, 1977, № 5, с.36-43
 24. Гузев В.Г. Староосманский язык. М.: Наука, 1979, 95 с.
 25. Гузев В.Г. К вопросу об инфинитивах в составе тюркских глагольных имен / Материалы научной конференции восточного факультета, посвященной 275-летию СБГУ. СПб., 1999, с.13-15

26. Гузев В.Г. Узбекский квазимасдар // Теоретические проблемы языкознания: сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ, 2004, с.277-286
27. Джанашиа Н. Н. Глагольные имена в турецком языке // Труды Тбилисского государственного университета, 1967, т.118, с.24-29
28. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948, 276 с.
29. Дубровина М.Э. Опыт сравнительного анализа глагольных имен в турецком и якутском языках // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2012, вып.3, серия 13, с.15–23
30. Жамьянова М.З. Синтаксические функции инфинитива турецкого языка и его соответствия в монгольском языке // Научная мысль Кавказа Филология, 2008, №2, с.114-120
31. Жамьянова М.З. Инфинитив турецкого языка в функции обстоятельства и его соответствия в монгольском языке // Вестник Бурятского государственного университета, 2011, вып.8, с.70-71
32. Закиева Р.Г. Сравнительная характеристика имен действия в татарском и турецком языках // Islam and Turkic world: problems of education, language, literature, history and religion, 2016, с.229-230
33. Ибрагимов Г.Д. Имя действия в башкирском языке: Функционально-семантический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001, 165 с.

34. Имамкулиева К.Г. Шарурские говоры азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1991, 29 с.
35. Исхаков Ф. Имена действия и состояния в современном узбекском языке (формы на – и(ш), –мок, –(у)в): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СамГУ, Самарканд, 1960, 21 с.
36. Итышева Х.Н. Имена действия в современном казахском языке. (Формы на –у, –мак): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963, 27 с.
37. Ишбаев К.Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975, 28 с.
38. Койчубаева Б. Имена действия в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1968, 28 с.
39. Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VII–XI вв. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1981, 191 с.
40. Кондратьев В.Г. Эволюция системы имен действия и системы деепричастия в турецком языке // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Востоковедение, 1990, № 16, вып.32, с. 45-51
41. Кононов А.Н. Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1939, 145 с.
42. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956, 570 с.

43. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX. Л.: Наука, 1980, 256 с.
44. Кузнецов П.И. О происхождении инфинитива на *-tak* // Советская тюркология, №3, 1983, с.39-45
45. Кулиев А. Неличные формы глагола в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнении с азербайджанским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1978, 28 с.
46. Кутлымуратов Б.К. Научно-теоретические мысли об именах действия в тюркских языках // Вестник Каракалпакского Филиала АН УзССР, 1962, №3, с.92-97
47. Кутлымуратов Б.К. Об употреблении имен действия с послелогоми, модальными словами и служебными именами в современном каракалпакском языке // Вестник Каракалпакского Филиала АН УзССР, 1962, №4(10), с.90-95
48. Кутлымуратов Б.К. Имена действия в современном каракалпакском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нукус, 1968, 24 с.
49. Максютлова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976, 288 с.
50. Маматов М.Ш. К вопросу о категории номинализации действия (на материале узбекского языка) // Советская тюркология, 1988, №5, с.41-52
51. Маматов М.Ш. Вторичный предикат, выраженный субстантивными формами, в современном узбекском языке. Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1990, 140 с.

52. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (Мишарский диалект татарского языка). М.: Наука, 1978, 271 с.
53. Мелгазиева Э. Имена действия в крымско-татарском языке // Ученые записки Таврического Национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «филология», 2005, т.18 (57), №3, с.92-97
54. Мелиев К.М. Имена действия в современном уйгурском языке. М.: Наука, 1964, 44 с.
55. Мешадиева А.Э. Формальное описание закона гармонии в тюркских языках. Баку, Элм, 2004, 244 с.
56. Мешадиева А.Э. Процесс развития словообразовательных аффиксов в современных тюркских языках (на основе узбекского, уйгурского, саларского языков) // *Türk dillərinin tarixi-müqayisəli leksikologiyası məsələləri. Karluq qrupu türk dillərinin leksikası*, 2008, II часть, с. 249-292
57. Мешадиева А.Э. Сравнительно-исторический анализ причастной формы на *-gan/-an* в тюркских языках / «Избранные вопросы современной науки» (Коллективная монография), ч.4, М.: Перо, 2011, с.210-240
58. Мешадиева А.Э. Система деепричастных форм глагола в тюркских языках (в сравнительно-историческом освещении). Баку: «Язычы», 2016, 234 с.
59. Мешадиева А.Э. Грамматический статус и семантика причастий в тюркских языках. Баку: «Шуша», 2017, 236 с.

60. Мизиев А.М. Лексикализация имени действия в карачаево-балкарском языке // Вестник Пятигорского лингвистического университета, 2014, №2, с.59-62
61. Мизиев А.М. Лексикализация неличных и залоговых форм глагола, свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2015, 46 с.
62. Мизиев А.М. О разработке лексикализации неличных форм глагола в общих словарях карачаево-балкарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017, ч.2, №7(73), с.122-124
63. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979, 302 с.
64. Мурзаева Д.М., Абдурахманова П.Д. Глагольные особенности имен действия в кумыкском языке // Современные проблемы науки и образования (URL: www.science-education.ru-l 06-7442), 2012, № 6
65. Мурзаева Д.М. Вторичные имена действия, образованные от причастий, в кумыкском языке // Вопросы тюркологии, 2012, вып.8, с.23-28
66. Мурзаева Д. М. Функционально-семантическая природа имени действия на *-агъанлыкъ* в кумыкском языке // Проблемы семантики в языках разных систем, 2012, вып.2, с.65-69
67. Мурзаева Д.М. Имя действия на *-макъ* в кумыкском языке // Вопросы тюркологии, 2012, вып.8, с.32-35

68. Мурзаева Д.М. Имена действия в кумыкском языке: структура, семантика и функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2013, 20 с.
69. Мурзаева Д.М. Субстантивные признаки имен действия в кумыкском языке // Вестник Дагестанского Государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2015, №3, с.156-159
70. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964, 344 с.
71. Набиуллина Г.А., Фатхуллова К.С. Особенности употребления неличных форм глаголов в языке татарской диаспоры в КНР // Современные проблемы науки и образования, 2012, вып.6, с.1-7
72. Неталиева Х. Имена действия в современном казахском языке (Формы на -у, -мак): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963, 24 с.
73. Нишанов М. Сопоставительное изучение инфинитива во французском и узбекском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978, 27 с.
74. Нурмагамбетов А. Западная группа говоров казахского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1974, 46 с.
75. Озлем Й. Об одном узуальном смысле, передаваемом турецким глагольным именем *-(y)acak* // Вестник СПбГУ, 2002, вып.3(18), сер.2, с.115-116
76. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964, 298 с.

77. Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, 203 с.
78. Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад: ТуркменОГИЗ, 1943, 100 с.
79. Раджабли А.А. Афинитные формы глагола в языке орхоно-енисейских памятников. Баку: Нурлан, 2008, 127 с.
80. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Издательство иностранной литературы, 1957, 254 с.
81. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, 287 с.
82. Саидова Э.Д. Именные и глагольные признаки имен действия в кумыкском языке // Тюркологический вестник, 2009, вып.1, с.47-50
83. Саидова Э.Д. Субстантивация имен действия в тюркских языках (проблемы и перспективы исследования) // Тюркологический вестник, 2009, вып.1, с.40-47
84. Саидова Э.Д. Факторы, влияющие на субстантивацию имен действия // Тюркологический вестник, 2009, вып.2, с.64-66
85. Саидова Э.Д. Субстантивация имен действия в кумыкском языке // Вестник ДНЦ РАН, 2011, №41, с.107-111
86. Саидова Э.Д. Субстантивация инфинитива в кумыкском языке / Материалы VI Межрегиональной конференции «Проблема жанра в фило-

- логии Дагестана». Махачкала: НИИ филологии ДГУ, 2011, с.222-226
87. Саидова Э.Д. Субстантивация прилагательных и причастий, инфинитива и имен действия в кумыкском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012, 170 с.
88. Саидова Э.Д. Семантическая классификация отынфинитивных субстантиватов // Дагестанская литература: история и современность, 2012, вып.6, с.126-129
89. Сапарова Э. Трехэлементные объектные словосочетания в туркменском и английском языках: (На материале инфинитива и причастия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1988, 15 с.
90. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. Баку: Наука, 1979, 284 с.
91. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология / Под ред. Н.Б. Бургановой, М.З. Закиева, Х.Р. Курбатова. М.: Наука, 1969, 380 с.
92. Соколов С.А. О некоторых отглагольных именах в турецком языке (Отглагольные имена на – *dik*, - *acak*, - *tak*, - *taklık*, -*ta*, *iş*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952, 20 с.
93. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Наука, 1988, 562 с.

94. Тадыкин В.Н. К вопросу о глагольной форме на *-арга* в алтайском языке // Записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1962, вып.5, с.35-39
95. Татарская грамматика. Морфология: в 2-х т. Т.2, Казань: Таткнигоиздат, 1993, 397 с.
96. Телицин Н.Н. Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгурского глагола // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988, с.96–103
97. Телицин Н.Н. Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990, 22 с.
98. Телицин Н.Н. О функциональных особенностях инфинитных форм глагола в тюркских языках // Вестник СПбГУ 94. Серия 2. 1994, вып.1, (№2), с.124-127
99. Телицин Н.Н. Имена действия в древнеуйгурском языке (VII-XIV вв.) // Востоковедение 19, 1997, с.55-57
100. Телицин Н.Н. К вопросу о полифункциональных (диффузных) глагольных формах в тюркских языках (на материале инфинитных форм древнеуйгурского глагола) // Востоковедение 22, СПбГУ, 2002, с.168-173
101. Телицин Н.Н. Способы выражения субъекта действия при глагольных именах в древнеуйгурском языке / Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Международная научная конференция. 4-6 апреля 2006: Тезисы докладов. СПб.: 2006, с.129-130

- 102.Телицин Н.Н. Субъект действия при глагольных именах в древнеуйгурском языке // Вестник СПбГУ. Серия 13, 2007, Вып. 1, (№2), с.90-93
- 103.Телицин Н.Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол, 2011, с.179-230
- 104.Телицин Н.Н. К вопросу о становлении субстантивных форм глагола (имен действия) в древнеуйгурском языке // Российская тюркология, 2013, № 1(8), с.23-30
- 105.Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1968, 32 с.
- 106.Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар: в 2-х ч. Ч. 2, Казань: Издательство Казанского университета, 1968, 182 с.
- 107.Тыдыкова Н.Н. Об имени действия в алтайском языке // Язык и культура алтайцев (сборник научных статей) / Отв. ред. А.Т. Ты-быкова, 1993, с.21-29
- 108.Тыдыкова Н. ОБ особенностях имени действия в алтайском языке // Turkish Studies-Türkoloji Araştırmaları, 2007, т.2/2, с.665-679
- 109.Ульмезова Л.М. Имена действия (субстантивные формы глагола) в карачаево-балкарском языке // Вестник СПбГУ, 2012, вып.3, сер.13, с.24-28
- 110.Ульмезова Л.М. Инфинитив в тюркских языках (на материале карачаево-балкарского языка) // Актуальные вопросы тюркологических исследо-

- ваний. Сборник статей к 75-летию В.Г. Гузева, 2014, с.310-313
111. Урусбиев И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1963, 232 с.
112. Филоненко В.И. Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология, Нальчик: Кабардино-Балкарское государственное издательство, 1940, 88 с.
113. Хангишиев Д. М. Именные формы глагола в кумыкском языке в сравнительном освещении (имена действия и инфинитивы). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997, 86 с.
114. Харисова Н.Р. Глагольные словосочетания с именами действия или инфинитивом // Милли мэдэният, Казань, 2003, №4, с.35-40
115. Хисамова В.Н., Гиниятуллина А.Ю. Неличные формы глагола. Имя действия в татарском языке в сопоставлении с герундием в английском языке // Филология и культура, 2012, вып. 2, с.186-189
116. Чоммадов О. Керкинская группа диалектов туркменского языка (в ареально – историческом аспекте): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ашхабад, 1992, 38 с.
117. Шамина Л.А. Инфинитив в тувинском языке // Северо-восточный гуманитарный вестник, 2013, №1(6), с.77-82
118. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XII вв. из Восточного Тур-

- кестана. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961, 204 с.
- 119.Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962, 276 с.
- 120.Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Издательство АН СССР, 1977, 192 с.
- 121.Юнусалиев Б.М. Заметки по истории киргизского языка. Фрунзе: Илим, 1965, 59 с.
- 122.Юнусалиев Б.М. Об оппозиционном влиянии звука *w* в киргизском языке // Вопросы тюркологии, 1965, с.28-33
- 123.Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань: Издательство Казанского университета, 1985, 317 с.
- 124.Явлиев К. Имена действия в современном уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964, 27 с.

На азербайджанском языке

- 125.Axundov A.A. Məsdər // Azərbaycan dili və ədəbiyyat tədrisi, Bakı, 1976, №2, с.48-51
- 126.Aslanov V.İ. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər: 3 cilddə, I c., Bakı: Elm, 2002, 152 s.
127. Aslanov V.İ. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər: 3 cilddə, II c., Bakı: Elm, 2003, 271 s.
128. Aslanov V.İ. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər: 3 cilddə, III c., Bakı: Elm, 2012, 180 s.
- 129.Azərbaycan dilinin Naxçıvan qrupu dialekt və şivələri / M.Ş.Şirəliyevin redaktəsi ilə. Bakı:

- Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası Nəşriyyatı, 1962, 326 s.
- 130.Cəfərov S., Abasov Ə., Azərbaycan dilinin sərfi: yeddiillik və orta məktəblər üçün. Bakı: Azərnəşr, 1946, 160 s.
- 131.Ergin Y.Q. Kitabı-Dədə Qorqud dastanında təsriflənməyən feillər: Filol. elm. üzrə fəl. dok. ... dis. avtoref. Bakı, 2007, 26 s.
- 132.Əliyev V.H. Azərbaycan dilində feilin təsriflənməyən formaları. Məsdər. Bakı: ADPU-nun nəşriyyatı, 1986, 87 s.
- 133.Hacıyev T.İ. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi: 2 hissədə, I h., Bakı: Elm, 2012, 476 s.
- 134.Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili. Morfologiya. 3 hissədə, III h., Bakı: Maarif nəşriyyatı, 1983, 275 s.
- 135.Xanbutayeva L.M. Müasir Azərbaycan və ingilis dillərində infinitiv (ümumi-tipoloji tədqiqat). Bakı: Kitab aləmi, 2003, 130 s.
- 136.İslamov M. Azərbaycan dilinin Nuxa dialekti. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası Nəşriyyatı, 1968, 274 s.
- 137.Kazımov İ.B. Mahmud Kaşğari «Divan»ı və çağdaş türk dilləri. Bakı: Elm və təhsil, 2014, 224 s.
- 138.Kazımov Q.Ş. Müasir Azərbaycan dili. Morfologiya. Bakı: Elm və təhsil, 2010, 400 s.
- 139.Mədətova R. XIII-XVIII əsrlər Azərbaycan dili yazılı abidələrində məsdər: Filol. elm. nam. dis. Bakı, 1997, 156 s.

140. Mədətova R. XIII-XVIII əsrlər Azərbaycan dili yazılı abidələrində məsdər. Bakı: Nurlan, 2002, 130 s.
141. Məmmədova E.A. Mahmud Kaşğarının "Divanü lüğat it Türk" əsərində feil: filol. elm. üzrə fəl. dok. ... dis. avtoref. Bakı, 2015, 27 s.
142. Məşədiyeva A.Ə. Qədim türk və müasir türk dillərində hal sisteminin oxşar cəhətləri // Varlıq-Quarterly Journal in Turkish and Persian, 2009, s. 75-82
143. Mirzəzadə H. Azərbaycan dilinin tarixi morfolojiyası. Bakı: Azərbaycan dövlət tədris-pedaqoji ədəbiyyatı nəşriyyatı, 1962, 370 s.
144. Müasir Azərbaycan dili. Morfologiya / Z. Budaqovanın redaktəsi ilə: 3 cildə, II c., Bakı: Elm, 1980, 510 s.
145. Rəcəbov Ə., Məmmədov Y. Orxon-yenisey abidələri. Bakı: Yazıçı, 1993, 400 s.
146. Rüstəmov R.Ə. Quba dialekti. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası \ nəşriyyatı, 1961, 281 s.
147. Rüstəmov R.Ə. Türk dilinin morfolojiyası. Bakı: Nurlan, 2007, 208 s.
148. Şükürov Ə.Ç., Məhərrəmov A.M. Qədim türk yazılı abidələrinin dili. Bakı: API-nin nəşri, 1976, 342 s.
149. Tanrıverdi Ə. Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası. Bakı: Elm və təhsil, 2010, 458 s.

На турецком языке

- 150.Akar A. Muğla ve yöresi ağızları. Gramer-Metin-Sözlük. Ankara: TDK yayınları, 2013, 480 s.
- 151.Akbaba D.E. Türkiye Türkçesinde Yapısında isim-fiil bulunan birleşik fiiller // Dil Araştırmaları Dergisi, 2007, cilt 1, sayı 1, s.83-95
- 152.Atalay B. Divanu Lügati't-tercümesi: 3 ciltte, III c., Ankara: TDK yayınları, 1985, 366 s.
- 153.Banguoğlu T. Türkçenin grameri. Ankara: TDK yayınları, 2007, 628 s.
- 154.Bayraktar N. Türkçede fiilimsiler. Ankara: TDK Yayınları, 2004, 397 s.
- 155.Beysanoğlu Ş. Diyarbakır ağızı. Ankara: Güzel İstanbul Matbaası, 1966, 246 s.
- 156.Caferoğlu A. Türk Dili Tarihi. İstanbul: Enderun yayınları, 1984, 246 s.
- 157.Coşkun V. Özbek türkçesi grameri. Ankara: TDK yayınları, 2014, 250 s.
- 158.Demir N. Ordu ili ve yöresi ağızları. Ankara: TDK yayınları, 2001, 359 s.
- 159.Deny J. Türk dili grameri (Osmanlı Lehçesi) (çev. A. Ulvi Elöve). İstanbul: Maarif matbaası, 1941, 1142 s.
- 160.Ediskun H. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1963, 413 s.
- 161.Erslan K. Eski türkçede isim-fiiller. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1980, 174s.
- 162.Ercilasun A.B. Kutadgu bilig grameri (fiil). Ankara: Gazi Üniversitesi yayınları, 1984, 162 s.

- 163.Ercilasun A.B. Başlangıçtan yirminci yüzyıla türk dili tarihi. Ankara: Akçağ yayınları, 2004, 486 s.
- 164.Erdem M.D., Dağdelen G. Karabük ve yöresi ağızları. İstanbul: Karabük Valiliği Yayınları, 2012, 1065 s.
- 165.Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1962, 384 s.
- 166.Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1972, 192 s.
- 167.Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: Boğaziçi yayınları, 1980, 395 s.
- 168.Gabain A.V. Eski Türkçenin grameri. Ankara: TDK yayınları, 2003, 357 s.
- 169.Gabain A.V. Eski Türkçenin grameri (çeviren: Mehmet Akalın). Ankara: TDK yayınları, 2007, 374 s.
- 170.Gemalmaz E. Erzurum ili ağızları (inceleme-metinler-sözlük ve dizinler): 2 ciltte, c.I., Ankara: TDK Yayınları, 1995, 247 s.
- 171.Gökçe F. Altay dillerinde ortak bir gramatikal morfem {zarf-fiil eki/mastar eki + gör-} üzerine // Türkbilig, 2014, sayı 27, s.1-12
- 172.Gülensoy T. Kütahya ve yöresi ağızları (inceleme-metinler-sözlük). Ankara: TDK yayınları, 1988, 257 s.
- 173.Gülseren C. Malatya ili ağızları. Ankara: TDK Yayınları, 2000, 447 s.
- 174.Gülsevin G. Uşak ili Ağızları. Ankara: TDK Yayınları, 2002, 396 s.
- 175.Günay T. Rize ili ağızları (inceleme-metinler-sözlük). Ankara: TDK yayınları, 2003, 340 s.

176. Günşen A. Doğu Trakya ağızlarının şekilbilgisini belirleyen temel özellikler // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2008, c.3/3, s.402-470
177. Hacıeminoğlu N. Karahanlı türkçesi grameri. Ankara: TDK yayınları, 2008, 214 s.
178. Kalay E. Edirne ili ağızları. Ankara: TDK yayınları, 1998, 268 s.
179. Karabeyoğlu A.R. Fiillerin kılınış hususiyetleri ve -dik/-duk + iyelik ekinin mastar işlevi // Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2011, c.6/4, s.649-658
180. Karahan L. Anadolu ağızlarının sınıflandırılması. Ankara: TDK yayınları, 2014, 203 s.
181. Karamanlıoğlu A.F. Kıpçak Türkçesi grameri. Ankara: TDK yayınları, 1994, 191 s.
182. Kaya C. Uygurca Altun yaruk: giriş, metin ve dizin. Ankara: TDK yayınları, 1994, 911 s.
183. Korkmaz Z. Güney-Batı Anadolu ağızları. Ankara: TDK yayınları, 1994, 130 s.
184. Korkmaz Z. Türkçede eklerin kullanım şekilleri ve ek kalıplaşması olayları. Ankara: TDK yayınları, 1994, 92 s.
185. Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri (şekil bilgisi). Ankara: TDK yayınları, 2003.
186. Mansuroğlu M. Edirne ağzında yapı. Anlam, deyim ve söz dizini özellikleri // TDAY- Belleten, 1960, s.181-187

- 187.Olcay S. Doğu Trakya yerli ağzı. Ankara: TDK yayınları, 1995, 130 s.
- 188.Özçelik S. Urfa merkez ağzı. Ankara: TDK yayınları, 1994, 271 s.
- 189.Sağır M. Erzincan ve yöresi ağzıları (inceleme-metinler-sözlük). Ankara: TDK yayınları, 1995, 435 s.
- 190.Savran H. Derleme sözlüğü'ndeki kalıplaşmış ad-fiillerin ve sıfat-fiillerin yazı dilinde kullanılabilirlik durumları // Belleten, 2009, sayı 1, s.51-92
- 191.Tekin Ş. Eski Türkçe // Türk Dünyası El Kitabı, Dil-Kültür-Sanat, 1992, c.2., s.69-120
- 192.Tokay H. Çömlekçi köyü (Bodrum) ağız özellikleri. Muğla: 2008, 120 s.
- 193.Tolkun S. Özbekçede fiilimsiler. İstanbul: Dijital Sanat Yayıncılık, 2009, 269 s.
- 194.Turgunbayer C. Kırgız türkçesindeki isim fiil ekleri. Ankara: Çağ yayınları, 2016, 95 s.
- 195.Yapıcı A. Aydın ve yöresi ağzıları: Basılmamış Doktora Tezi, Muğla, 2013, 140 s.
- 196.Yıldırım F. Adana ve Osmaniye illeri ağzıları. Ankara: TDK yayınları, 2006, 857 s.
- 197.Yıldız O. Isparta Merkez Ağzı. Isparta: Fakülte Kitabevi Yayınları, 2002, 193 s.
- 198.Yılmaz Y. {-Mak} ve {-ma} eklerinin hâl ekleriyle münasebeti // Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2012, c.7/2, s.1267-1280

На английском языке

- 199.Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Boston: Leiden, 2004, 575 p.

На французском языке

- 200.Deny J. Grammaire de la langue Turgue: (dialecte osmanli). Paris: E.Leroux, 1921, 1218 p.
201.Thomsen V. Turcica, etudes consernant l'interpretation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Siberie // MSFOu, v.XXXVII, 1916, pp.1-96

На немецком языке

- 202.Bang W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türkspachen. V.1, Heidelberg: SBAN Publishing House, 1916, 96 p.
203.Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. V.1, Heidelberg: C. Winter, 1918, 48 p.
204.Bang W. Das negative verbum der Türkspachen // Sitzungsberichte der (Berliner, d. h.) Preussischer Akademie der Wissenschaften (SBAW), 1923, v. XVII, pp.114-131
205.Benzing J. Tschunaschische Forschungen // ZDMG, 1941, part 3, pp.57-58
206.Benzing J. Der aorist im Türkshen // Ural-Aitaische Jahrbucher (UAJb), 1952, 24, pp.130-132
207.Böhtlingk O. Über die Sprache der Yakuten: Grammatik: Text und Worterbuch. SPb.: Buchdruckerei

- der Kaserlichen Akademie der Wissen-schaften, 1851, 184 p.
208. Brockelmann C. Altosmanische Stüdien, Die Sprache Aşıgpaşas und Ahmedis // ZDMG, 1919, v.LXXIII, part 1, pp.1-29
209. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden: Brill Archive, 1951, 429 p.
210. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. 2. Verbesserte Auflage. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950, 357 p.
211. Nemeth J. Türkische Grammatik. Berlin: Göschen, 1916, 126 p.
212. Pröhle W. Karatschousches Wörterverzeichnis. Karatschaische Studien. Budapest: Keleti Szemle, 1990, 123 p.
213. Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. SPb.: L'Academie Imperiale des Sciences, 1895, 1034 p.
214. Radloff W. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stamme. II. Teil. Leipzig: Zentral-Antiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, 1965, 720 p.
215. Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II. Helsinki: Formenlehre, 1952, 262 p.
216. Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki: Studia Orientalia, 1957, 249 p.

На других иностранных языках

217. Азымов П., Байлыев Х., Чарыев М. Туркмен дили. Ашгабат: Магарыф, 1981, 256 с.
218. Батырмурзаев А.Н. Къумъук тилни грамматикасы. Магъачкъала: Дагучпедгиз, 1933, 177 с.
219. Батырмурзаев А.Н., Къуртмоллаев Э. Грамматика. Морфология. Симферополь: Акъмесджид, 1938, 145 с.
220. Тумашева Д.Г. Хэзерге татар теле морфологиясе. Казан: Казан ун-т няшр., 1964, 298 с.
221. Туркмен дилинин диалектлеринин очерки, Ашгабат: 1970, 401 с.

***Источники, из которых почерпнут
иллюстративный материал***

- Айтматов Ч. Чактан узун күн. Г.-Алт.: Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988, 213 с.
- Кербабаев Б. Решающий шаг. Ашхабад: Издательство Туркменистан, 1976, 701 с.
- Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.А.Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005, 1288 с.
- Сейтеков Б. Гыз салгыды. Ашхабад: 1962, 248 с.
- Укачин Б. Туулар туулар ла бойы артар. Г.-Алт.: Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1985, 178 с.
- Шодоев И. Кызаланду жылдар. Г.-Алт.: Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1984, 227 с.
- Haqverdiyev Ə. Seçilmiş əsərləri. 2 cildə. I c. Bakı: Lider, 2005, 504 s.
- Məmmədquluzadə C. Əsərləri. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1967, 751 s.
- Ali S. Kuyucaklı Yusuf. İstanbul: Yapı kredi yayınları, 2001, 220 s.
- Ali S. Kağnı, ses, esirler. İstanbul: Yapı kredi yayınları, 2003, 232 s.
- Hikmet N. Kafatası. İstanbul: Yapı kredi yayınları, 2002, 240 s.
- Kaplan S. Yunus meltemi, Timaş yayınları, İstanbul, 1991, 136 s.
- Karaosmanoğlu Y.K. Ankara. İstanbul: Hakimiyeti Milliye Matbaası, 1934, 208 s.

Karaosmanođlu Y.K. Ankara. Bütün eserleri 10. İstanbul: İletişim Yayıncılık, 2004, 252 s.

Nesin A. Orkestra adam. Sofya: Narodna Prosveta Devlet Neşriyatevi, 1960, 231 s.

Seyfettin Ö. Miras. İstanbul: Hikmet Çocuk yayınevi, 2000, 48 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Азерб. – азербайджанский
Вв. (в.) – век
Вм. – вместо
Дат.п. – дательный падеж
Диал. – диалект
Зд. - здесь
И др. – и другие
И т.д. – и так далее
ИФ – инфинитивная форма
Лит. - литературный
Нач. - начало
Погов. - поговорка
Посл. – пословица
Совр. – современный
Срав. – сравним
Татар. – татарский
Т.е. – то есть
Т.к. – так как
Тур. – турецкий
Туркм. – туркменский
Яз. - язык

РЕЗЮМЕ

Монография *«Инфинитивы и имена действия в тюркских языках»* посвящена сравнительно-историческому анализу *инфинитивов и имен действия* в тюркских языках и их диалектах.

Монография состоит из, введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении освещается предмет изучения, языковой материал, определяется значение исследования в теоретическом и практическом плане. Здесь также содержится краткое изложение состояния вопроса, описываются основные понятия и термины тюркских инфинитивов и имён действия.

Первая глава монографии под названием *«Семантические и морфолого-синтаксические функции инфинитивов в тюркских языках и их диалектах»* посвящена анализу лексико-семантической сущности, морфологических и синтаксических свойств инфинитивов в тюркских языках и их диалектах. Тщательный анализ каждой инфинитивной формы дал возможность выявить как их схожие, так и дифференциальные морфолого-семантические признаки.

В данной главе прослеживается ход исторического развития каждой инфинитивной формы глагола в тюркских языках. Помимо этого, прослеживается история изучения инфинитива, выявляются наиболее распространенные типы тюркских инфинитивов.

В первой главе достаточно подробно изучаются гипотезы относительно этимологии инфинитивных аффиксов в тюркских языках.

Вторая глава монографии именуемая «*Семантические и морфолого-синтаксические функции имен действия в тюркских языках и их диалектах*» посвящена сравнительно-историческому анализу семантических и морфолого-синтаксических функций первичных и вторичных имен действия в тюркских языках и их диалектах. Во второй главе выявляются сходные и отличительные функционально-семантические и фонетические особенности имен действия в тюркских языках.

В этой главе раскрывается происхождение аффиксов первичных и вторичных имен действия в тюркских языках. Здесь также прослеживается их генетическое родство с другими формами в тюркских языках.

В «*Заключении*» обобщаются выводы, полученные в результате исследования.

XÜLASƏ

“*Türk dillərində məsdərlər və feili isimlər*” adlı monoqrafiya türk dillərində və onların dialektlərində məsdərlərin və feili isimlərin müqayisəli-tarixi təhlilinə həsr olunmuşdur.

Monoqrafiya ön söz, giriş, iki fəsil, nəticə və istifadə olunmuş ədəbiyyat siyahısından ibarətdir.

Monoqrafiyanın giriş hissəsində mövzunun öyrənilməsi, dil materialı işıqlandırılır, tədqiqatın əhəmiyyəti, nəzəri və praktiki planda müəyyənləşdirilir. Burada həmçinin türk dillərində məsdərlərin və feili isimlərin əsas anlayışları, terminləri və onların təsnifat prinsipləri təhlil edilir.

Monoqrafiyanın “*Türk dillərində və onların dialektlərində məsdərlərin semantik və morfoloji-sintaktik funksiyaları*” adlı birinci fəslə türk dillərində və onların dialektlərində məsdərlərin leksik-semantik mahiyyətinin və morfoloji-sintaktik əlamətlərinin təhlilinə həsr edilmişdir. Hər bir məsdər formasının müfəssəl təhlili onların həm oxşar, həm də diferensial morfoloji-sintaktik xüsusiyyətlərinin aşkar edilməsinə imkan vermişdir.

Birinci fəsildə türk dillərində və onların dialektlərində hər bir məsdər formasının tarixi inkişaf gedişi izlənilir. Bundan başqa, məsdərin tədqiqi tarixi izlənilir, türk dillərində məsdərlərin daha yayılmış növləri müəyyənləşdirilir.

Birinci fəsildə türk dillərində məsdər şəkilçilərinin etimologiyası kifayət qədər ətraflı öyrənilmişdir.

Monoqrafiyanın “*Türk dillərində və onların dialektlərində feili isimlərin semantik və morfoloji-sintaktik funksiyaları*” adlı ikinci fəslə türk dillərində və onların dialektlərində birincili və ikincili feili isimlərin semantik və morfoloji-sintaktik funksiyalarının müqayisəli-tarixi təhlilinə həsr olunmuşdur. İkinci fəsildə türk dillərində feili isimlərin oxşar və fərqli funksional-semantik və fonetik xüsusiyyətləri aşkarlanır.

Bu fəsildə türk dillərində birincili və ikincili feili isim şəkilçilərinin mənşəyi müəyyənləşdirilir. Burada həmçinin türk dillərində onların başqa formalarla genetik qohumluğu izlənilir.

“*Nəticədə*” tədqiqat işində alınan nəticələr ümumiləşdirilir.

ABSTRACT

The monograph “*Infinitives and action nouns in the Turkic languages*” is devoted to comparative-historical analysis of infinitives and action nouns in the Turkic languages and their dialects.

The monograph consists of an introduction, two chapters, conclusion and list of references.

The introduction highlights the subject of study, language material, and determines the value of the study in theoretical and practical aspect. It also contains a summary of the status of the issue, describes the basic concepts and terms of Turkic infinitives and action nouns.

The first Chapter of the monograph entitled “*Semantic and morphological-syntactic functions of infinitives in Turkic languages and their dialects*” is devoted to the analysis of lexical-semantic essence, morphological and syntactic features of infinitives in Turkic languages and their dialects. A thorough analysis of each infinitive form made it possible to identify both their similar and differential morphological and semantic features.

This Chapter traces the historical development of each infinitive form of the verb in Turkic languages. In addition, the history of the study of infinitive is traced; the most common types of Turkic infinitives are identified in the first Chapter.

The first Chapter thoroughly studies the hypotheses concerning the etymology of infinitive affixes in Turkic languages.

The second Chapter of the monograph entitled “*Semantic and morphological-syntactic functions of action*

nouns in the Turkic languages and their dialects” is devoted to comparative-historical analysis of the semantic and morphological-syntactic functions of the primary and secondary action nouns in the Turkic languages and their dialects. The second Chapter identifies similar and distinctive functional-semantic and phonetic features of action nouns in the Turkic languages.

This Chapter reveals the origin of the primary and secondary action nouns` affixes in the Turkic languages. It also traces their genetic relationship with other forms in the Turkic languages.

The "Conclusion" summarizes the findings of the study.

ÖZET

“*Türk dillerinde mastarlar ve isim-fiiller*” adlı monografi Türk dillerinde ve ağızlarında mastarların ve isim-fiillerin karşılaştırmalı-tarihsel incelemesine hasredilmiştir.

Kitap “*Önsöz*”, “*Giriş*”, iki bölüm, “*Sonuç*” ve “*Kaynakça*”dan oluşmaktadır.

Yazar önsözde çalışmanın konusunu, eserde kullanılan bilimsel yöntemleri, dil malzemesini açıklamaktadır ve aynı zamanda araştırmanın değerini teorik ve pratik açıdan belirlemektedir. Bununla birlikte önsözde Türk dillerinde mastarların ve isim-fiillerin temel kavramları, terimleri ve onların sınıflandırma prensipleri incelenmektedir.

Monoğrafının “*Türk dillerinde ve ağızlarında mastarların anlamsal ve morfolojik-sözdizimsel işlevleri*” başlığı adı altında birinci bölümünde Türk dillerinde ve ağızlarında mastarların sözcüksel, anlamsal yapısı ve morfolojik-sözdizimsel özellikleri analiz edilmektedir.

Her mastarın titiz bir incelenmesi, onların benzer ve ayırıcı morfolojik-sözdizimsel özelliklerinin tespitine fırsat verir.

Eserin bu bölümünde Türk dillerinde ve ağızlarında mastarların tarihsel gelişimi izlenilmektedir. Mastarların tetkikat tarihinin izlenilmesi ile beraber, onların yaygın türleri tanımlanmaktadır. Birinci bölümde Türk dillerinde mastar eklerinin etimolojisi üzerine detaylı hipotezler incelenmektedir.

Monoğrafının «*Türk dillerinde ve ağızlarında isim-fiillerin anlamsal ve morfolojik-sözdizimsel işlevleri*» başlığı adı altında ikinci bölümü Türk dillerinde ve ağızlarında birincil ve ikincil isim-fiillerin anlamsal ve

morfolojik-sözdizinsel işlevlerinin karşılaştırmalı-tarihsel analizi için ayrılmıştır.

İkinci bölümde Türk dillerinde isim-fiillerin benzer ve ayırıcı fonksiyonel-anlamsal ve fonetik işlevleri incelenmektedir.

Bu bölümde türk dillerinde birincil ve ikincil isim fiil eklerinin kökeni ortaya çıkarılmaktadır. Burada ayrıca Türk dillerinde onların diğer fiilimsi türlerle genetik akrabalığı izlenilmektedir.

"Sonuç" bölümünde araştırmadan elde edilen bulgular özetlendirilmektedir.

SOMMARIO

La monografia denominata “*Infiniti e nomi deverbali nelle lingue turche*” è dedicata all’analisi degli infiniti e dei nomi deverbali nelle lingue turche moderne.

La monografia è composta da una premessa, due capitoli, una conclusione e una bibliografia.

Nella premessa viene evidenziato lo studio dell’argomento, viene illustrato il materiale linguistico e viene definito l’importanza teorica e pratica della ricerca. Questa parte descrive i concetti e i termini di base degli infiniti e dei nomi deverbali nelle lingue turche.

Il primo capitolo della monografia denominata “*Le funzioni morfosintattiche e semantiche degli infiniti nelle lingue turche e nei suoi dialetti*” è per l’appunto dedicata all’analisi delle caratteristiche morfosintattiche e della natura semantico-lessicale dell’uso degli infiniti nelle lingue turche e nei suoi dialetti. La ricerca dettagliata di ogni forma dell’infinito ha permesso di individuare le loro caratteristiche morfosintattiche sia per quanto riguarda quelle uguali che per quelle distintive.

Nel primo capitolo viene osservato lo sviluppo storico di ogni infinito nelle lingue turche e nei suoi dialetti. Inoltre, viene analizzata la storia dello studio dell’infinito e identificata i tipi più comuni di infiniti turchi.

Nel primo capitolo viene studiata l’etimologia degli affissi nelle lingue turche.

Il secondo capitolo della monografia denominata “*Le funzioni morfosintattiche e semantiche dei nomi deverbali nelle lingue turche e nei suoi dialetti*” è dedicato

all'analisi storico-comparativa delle funzioni morfosintattiche e semantiche delle formazioni primarie e secondarie dei nomi deverbali nelle lingue turche e nei suoi dialetti. Il secondo capitolo identifica caratteristiche funzionali e semantiche e fonetiche simili e distintive dei nomi deverbali nelle lingue turche.

Questo capitolo rivela gli affissi nelle formazioni primarie e secondarie dei nomi deverbali. Viene studiato la loro relazione genetica con altre forme nelle lingue turche.

Nella "Conclusione" sono riepilogati i risultati ottenuti dalla ricerca.

RÉSUMÉ

La monographie de *“l’Infinitifs et noms verbaux dans la famille des langues turques”* est consacrée à l’analyse historique – comparative des infinitifs et noms verbaux dans les langues turques et leurs dialectes.

Cette monographie consiste en préface, introduction, deux chapitre, conclusion et liste de littérature.

Dans l’introduction de la monographie l’étude de sujet et le matériel de langue sont illuminés et l’importance de recherche est déterminé sur le plan théorique et pratique. La notion principale, les termes et les principes de classification des infinitifs et noms verbaux dans les langues turques ont aussi été analysés.

Le premier chapitre de monographie intitulé *“Fonctions sémantiques et morpho-syntaxiques des infinitifs dans les langues turques et leurs dialectes”* est consacré à l’analyse des signes morpho-syntaxiques et caractéristique lexicque-sémantique des infinitifs dans les langues turques et leurs dialectes. Chaque analyse détaillé de forme infinitive donne la possibilité de déterminer leurs caractéristiques similaires et morpho-syntaxiques différentielles.

Le premier chapitre décrit l’évolution historique de chaque forme infinitive dans les langues turques et leurs dialectes. En outre, l’histoire de l’étude d’infinitif est décrite et les sortes plus répandues d’infinitif dans les langues turques sont déterminées.

L'étymologie de la terminaison d'infinitif dans les langues turques a été étudiée en détail dans le premier chapitre

Le deuxième chapitre de monographie intitulé “*Fonctions sémantiques et morpho-syntaxiques des noms verbaux dans les langues turques et leurs dialectes*” est consacré à l'analyse historico-comparative des fonctions sémantiques et morpho-syntaxiques des noms verbaux principaux et secondaires dans les langues turques et leurs dialectes.

Le deuxième chapitre décrit les caractéristiques fonctionnelles - sémantiques et phonétique similaires et différentes de nom verbal dans les langues turques.

Le deuxième chapitre décrit aussi l'origine des terminaisons principales et secondaires des noms verbaux dans les langues turques. En outre, leurs relations génétiques avec des autres formes dans les langues turques sont déterminées.

Dans la “Conclusion” les résultats de recherche sont généralisés.

ÜBERSICHT

Vorliegende Monographie über *“Infinitiven und Verb-Substantiven in den türkischen Sprachen”* war der vergleichend-historischen Analyse der Infinitiven und Verb-Substantiven in den türkischen Sprachen und ihren Dialekten gewidmet worden.

Monographie besteht aus Vorwort, Einführung, 2 Kapiteln, Schlussfolgerung und Literaturverzeichnis.

In der Einführung der Monographie war die Studie des Themas, der Sprachmaterialien, Bedeutung der Forschung ebenso Theorie und Praxis im eventuellen Plan dargestellt worden. Dabei waren die Hauptbegriffe der Infinitiven und Verb-Substantiven, der Termine und ihre Definition Prinzipien analysiert worden.

Erstes Kapitel über das Thema *“Semantische und morphologisch-syntaktische Funktionen der Infinitiven in den türkischen Sprachen und in ihren Dialekten”* war der Bedeutung und Analyse der morphologisch-syntaktischen Merkmale dieser Infinitiven gewidmet worden. Eingehende Analyse der jedes Infinitivs ermöglicht den Nachweis gleichen und differentiellen morphologisch-syntaktischen Eigenschaften.

Im ersten Kapitel war historische Entwicklung jeder Infinitivform in den türkischen Sprachen und ihren Dialekten dargestellt. Darüber hinaus wird Forschungsgeschichte der Infinitive und weit verbreitete Arten der Infinitive in den türkischen Sprachen festgestellt.

Im ersten Kapitel war die Etymologie der Infinitivendungen in den türkischen Sprachen ausreichend geforscht worden.

Zweites Kapitel über das Thema “*Semantische und morphologisch-syntaktische Funktionen in den türkischen Sprachen und in ihren Dialekten*” war der vergleichenden historischen Analyse semantische und morphologisch-syntaktische Funktionen gewidmet worden. Im zweiten Kapitel werden ähnliche und unterschiedliche funktionelle, semantische und phonetische Eigenschaften der Verb-Substantiven festgesetzt.

In diesem Kapitel wird die Herkunft der primären und sekundären Verb-Substantiven festgestellt. Dabei wird gleichzeitig genetische Verwandtschaft in den türkischen Sprachen in der anderen Form verfolgt.

Im Teil der Schlussfolgerung werden alle Ergebnisse zusammengefügt.

RESUMEN

La monografía “*Los sustantivos verbales e infinitivos en las lenguas turcas*” se dedica al análisis comparativo – histórico de los infinitivos y sustantivos verbales en las lenguas turcas y en sus dialectos.

La monografía se compone del prefacio, introducción, dos capítulos, conclusión y de la lista de la literatura utilizada.

En el prefacio de la monografía se ilumina el objeto del estudio, los materiales de la lengua, se determina la relevancia del estudio en la esfera teórica y práctica. Aquí asimismo se examina las nociones esenciales de los infinitivos y sustantivos verbales, los términos y los principios de clasificación en las lenguas turcas.

El primer capítulo de la monografía llamada “*Las funciones semánticas y morfológico-sintácticas de los infinitivos en las lenguas turcas y en sus dialectos*” contiene el análisis de la esencia léxico - semántica y de las propiedades morfológico-sintácticas de los infinitivos en las lenguas turcas y en sus dialectos. El análisis perfecto de cada forma del infinitivo concedió la oportunidad para revelar su carácter morfológico - semántico de ser semejante y diferencial.

En el capítulo primero se sigue el curso del progreso histórico de cada forma del infinitivo en las lenguas turcas y en sus dialectos. Aquí se explora detalladamente la etimología del infinitivo, se fija sus tipos más divulgados en las lenguas turcas.

En el primer capítulo se estudia con detalles la etimología de los sufijos del infinitivo en turcología.

El segundo capítulo de la monografía llamada “*Las funciones semánticas y morfológico-sintácticas de los sustantivos verbales en las lenguas turcas y en sus dialectos*” está dedicado al análisis comparativo – histórico de las funciones semánticas y morfológico-sintácticas de los sustantivos verbales principales y secundarios en las lenguas turcas y en sus dialectos. En el segundo capítulo evidencian las peculiaridades funcionales y semánticas y las características fonéticas de forma similar y diferente de los sustantivos verbales en las lenguas turcas.

En el capítulo tratado define también el origen de los sufijos de los sustantivos verbales en las lenguas turcas. Paralelo a esto, contiene en si su parentesco genético con otras formas en las lenguas turcas.

En la conclusión se generalizan los resúmenes adquiridos en el trabajo de la investigación.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рецензия	3
Введение	10
Глава I	
Семантические и морфолого-синтаксические функции инфинитивов в тюркских языках и их диалектах.....	21
Глава II	
Семантические и морфолого-синтаксические функции имен действия в тюркских языках и их диалектах.....	66
Заключение.....	88
Список использованной литературы.....	91
Источники, из которых почерпнут иллюстративный материал.....	115
Список сокращений	117
Резюме	118
Xülasə	120
Abstract.....	122
Özet.....	124
Sommario.....	126
Résumé.....	128
Übersicht.....	130
Resumen.....	132

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА
ИНФИНИТИВЫ И ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

AYNEL MƏŞƏDİYEVA
TÜRK DİLLƏRİNDƏ MƏSDƏRLƏR VƏ FEİLİ İSİMLƏR

AYNEL MESHADIYEVA
INFINITIVES AND ACTION NOUNS
IN THE TURKIC LANGUAGES

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА
ИНФИНИТИВЫ И ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Дизайнер: Рамиз Абилов

*Типография «Red N Line» ООО, AZ1073, Баку,
пр. Метбуат 529-й квартал, 1-й этаж, тел.: 408-09-84*

*Сдано в набор: 05.03.2018
Подписано к печати: 24.05.2018
Формат 60x84 1/16. Объём 8,5 п.л.
Тираж: 500*

Типография «Red N Line» ООО